

Узел

Автор:

Николай Свечин

Узел

Николай Свечин

Сыщик Его Величества #21

1907 год. Премьер-министр Столыпин обеспокоен кражами грузов на московском железнодорожном узле. Счет похищенному идет уже на десятки миллионов рублей. В преступлениях участвуют, кроме воров, и железнодорожные служащие, и чины сыскной полиции, и нечистоплотное купечество. Столыпин посылает в Москву коллежского советника Лыкова с задачей прекратить беспредел на железных дорогах...

Николай Свечин

Узел

© Свечин Н., текст, 2018

© Симонов В., иллюстрации, 2018

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2018

Пролог

Вечером 3 сентября 1907 года Лыков и Азвестопуло вышли из пригородного поезда на платформе Чесменская Московско-Курской железной дороги. Дачный сезон заканчивался, пассажиров почти не было. Сыщики направлялись к концу дебаркадера, когда их перехватил унтер-офицер жандармской железнодорожной полиции.

– Здравия желаю, господа. Куда путь держим? Готов подсказать, ежели что надо.

– Ничего не надо, мы сами, – попытался отмахнуться Сергей.

Но жандарм не уходил. Он пристально смотрел на путников, потом спросил:

– Вы чего здесь забыли? Я баловства не допущу.

Лыкову пришлось вынуть полицейский билет. Увидев чин и должность, служивый взял под козырек.

– Мы ищем одного мазурика, – вполголоса объяснил коллежский советник. – Есть сведения, что он может прятаться у смотрителя переезда Затулкина. Что про него скажешь?

– Очень даже запросто, – ответил жандарм. – Дурного поведения человек. Вас проводить?

– А еще поезда сегодня будут?

– Через час последний.

– Тогда останься здесь, кто-то должен нести охрану. Мы правильно идем? Назад около версты?

– Так точно, ваше высокоблагородие. Будка Затулкина у пересечения с Перервинским трактом. Поменее версты; там еще фонарь горит.

Сыщики спустились на путь и зашагали по шпалам обратно к Москве. Было темно, со стороны Сукина болота несло тиной и чем-то еще.

- Дерьмом откуда-то попахивает, - сказал Азвестопуло, приняхавшись.

- Вдоль Перервинского шоссе идет главная труба городской канализации, - пояснил помощнику Лыков.

- Куда идет? - не понял Сергей.

- В поля орошения.

- А-а...

Некоторое время они шли молча, пока их не нагнал поезд. Сыщики отошли в сторону. Поезд медленно тянулся мимо них и вдруг остановился. Лязгнула дверь товарного вагона, высунулся невидимый в темноте человек.

- Принимай, нехристи!

Что-то тяжелое вылетело наружу, чуть не зацепив титулярного советника. Паровоз рыкнул и тронулся с места. Когда последний вагон прополз мимо сыщиков, хвостовой кондуктор с него крикнул:

- У, ворье!

- Что все это значит? - спросил Азвестопуло у шефа, когда огни поезда удалились.

- Пойдем-ка отсюда, пока нас не поймали, - вместо ответа сказал Лыков.

Но уйти они не успели: из темноты появились полдюжины людей. Мужики обступили сыщиков, и главный спросил:

- Вы че тут делаете, дурни еловые?

- Да мимо шли, - ответил Лыков. - Нельзя, что ли?

- Нельзя, - ответил атаман со злостью. - Считаю, что пришли уже. Амба.

Наступила зловещая тишина. Бандиты сделали шаг вперед, но тут заговорил Алексей Николаевич:

- Ты кого стращаешь, сосунок? На чертолом хочешь облапиться?[1 - Облапиться на чертолом - схватиться насмерть (жарг.) (Здесь и далее - примеч. автора).]
Пупок сначала зашей.

Главный, услышав знакомые слова, сделал остальным знак: погоди. Всмотрелся в Лыкова и спросил:

- Ты кто?

Тот небрежно бросил:

- Своя своих не познаши, дубинородные. Сюда смотри!

Он нагнулся, взялся за железнодорожный костыль, покряхтел и рывком выдернул его из шпалы.

- А теперь брысь!

Бандиты мигом расступились, и сыщики продолжили путь.

- Так что это было? - вернулся к своему вопросу титулярный советник, когда они удалились шагов на сто.

- Сбросили кипу хлопка, а эти ребята его сейчас подберут, - пояснил шеф.

- Кипа - это такая шапка у евреев!

- А еще спрессованная хлопковая масса. Я в Ташкенте видел, как его пакуют.

- Едва она меня не задавила, - хмыкнул Сергей. - То-то бы посмеялись.

– Тихо. Видишь свет от фонаря? Это переезд.

Сыщики спустились с насыпи. Вскоре они оказались возле будки смотрителя. В окне горел свет, но занавеска была плотно задернута.

– Постучать и вызвать? – предложил грек.

– И кем назовешься? Почтальоном с телеграммой? – язвительно спросил коллежский советник.

– А дорогу спросить. Иду, мол, в Николо-Угрешский монастырь. Правильно али как?

– Хм. Ну попробуй. А я спрячусь.

Так они и сделали. Лыков вынул браунинг, поставил на боевой взвод и убрался за угол. Азвестопуло же постучал в окно и запричитал гнусаво:

– Дяденька, а дяденька!

Занавеска отдернулась, и в окне показалось хмурое лицо смотрителя.

– Чего еще тут за рыло?

– А нету ли водицы? Пересохло оченно в утробе, а до Угреши еще идтить да идтить...

– Из речки попьешь. Пошел прочь!

– Спасибо на добром слове, раб божий.

Помощник перебежал к шефу и сказал:

– Видел на столе два стакана.

– Значит, Комоха там.

Он-то и нужен был сыщикам. Известный налетчик Флегонт Тюхтяев по кличке Комоха подозревался в убийстве станового пристава Дмитровского уезда Винтергальтера. Уездная полиция не сумела найти преступника. Сыскная полиция градоначальства попробовала, но тоже не нашла. Губернатор, флигель-адъютант Джунковский, обратился за помощью в МВД. Столыпин приказал из-под земли достать убийцу...

– Что делать будем? – возбужденным голосом спросил Азвестопуло. – Вы по стойте здесь, а я сбегаю за жандармом. Втроем веселее.

– А они как раз пойдут на прорыв? Если один полезет в дверь, а второй в окно, я не услежу. Ты вот что...

Но их спор был неожиданно прерван. Видимо, появление ночного прохожего насторожило Комоху, и он решил осмотреться. Стукнул ставень, кто-то высунулся наружу, увидел сыщиков и без раздумий открыл огонь. Лыков с Азвестопуло едва успели отскочить в темноту и укрыться.

Далее случилось то, чего и боялся коллежский советник. Один из преступников распахнул дверь и начал высматривать чужаков. А второй с противоположной стороны дома попытался выбраться в окно. Питерцы выстрелами тут же загнали их обратно. Бандиты озадачились и стали совещаться, сыщики – тоже.

Лыков крикнул:

– Эй, Затулкин! Ты-то куда полез, дурак? Комохе виселица светит, я его понимаю, неохота. А ты? Вооруженное сопротивление полиции. Тоже в петлю захотел? Сдавайся.

Бандиты переговорили, и сторож подозрительно быстро ответил:

– Сдаюсь! Не стреляйте!

– Кинь пушку в окно и выходи с поднятыми руками.

Затулкин выбросил револьвер.

– Приготовься, это ловушка, – предупредил помощника Лыков. – Комоха всегда ходит с двумя «наганами», он отдаст второй напарнику.

Так и оказалось. Сторож вышел наружу, сделал три шага – и выхватил оружие. Но больше ничего не успел: Лыков продырявил ему плечо. Следом за ним в дверь вылетел Тюхтяев, пальнул раз-другой и упал со стоном на землю – Азвестопуло прострелил ему ногу.

Минуту спустя Алексей Николаевич перетягивал налетчику бедро его же ремнем и ругал помощника:

– Сколько раз говорил, чтоб не в ногу! Теперь с ним хлопот полон рот, иначе помрет от потери крови. Вот смотри, как я: в плечо – и чисто.

– Да уж... После Ростова нам до пенсии всех живьем брать придется... – с досадой отозвался Азвестопуло.

Перевязав арестованных, полицейские зашли в сторожку.

– Ого! – поразился Лыков. – Богато нынче живут смотрители переездов!

Вся будка оказалась заставлена коробками с папиросами. Среди них были и дорогие сорта.

– Это все железная дорога, – вздохнул коллежский советник. – То тебя чуть кипой хлопка не убило, теперь вот табак. Когда только это прекратится? Куда смотрит московская сыскная?

Азвестопуло, курящий по пачке в день, молча набивал себе карманы.

– Эй, слуга закона! Беги на шоссе, тут до городских боен две с половиной версты. С ворованным табаком быстро домчишь. Пусть пришлют доктора или хотя бы фельдшера. А я их покараулю.

За окном требовательно загудел паровоз – проехал очередной состав, из которого опять что-то выбросили.

– Сходи, погляди, что там.

Грек подскочил, наклонился над коробкой.

– Ого. Чур мое! Спрячьте это от обыска, Алексей Николаич. Хоть в кусты, а я утром потихоньку заберу.

– Да что в коробке?

– Папиросы «Грация» фабрики Богданова. Высший сорт!

Глава 1

Московский беглец

Два месяца спустя коллежский советник Лыков явился в приемную к Столыпину. Там уже сидели директор Департамента полиции Трусевич и коллежский асессор Лебедев, чиновник особых поручений. Был восьмой час вечера, посетители разошлись. Остался только секретарь, да в углу примостился фельдъегерь, ждал, когда премьер-министр подпишет исходящие бумаги. В ноябре темнело рано, и питерцы начинали хандрить. Включили электрическое освещение, и сразу стало уютнее. За окном шумел дождь, по Фонтанке тянулись огни – это плыли баржи с дровами.

Звякнул телефон. Секретарь снял отводную трубку, выслушал и почтительно сообщил Трусевичу:

– Стефанов вышел от Макарова и сейчас будет здесь.

Директор Департамента полиции коротко кивнул и нахмурился еще более. Макаров был товарищ министра внутренних дел, занимающийся полицейскими

вопросами. А кто такой Стефанов? Алексей Николаевич знал одного, но тот служил в Московской сысшной полиции в чине коллежского секретаря. Ему не по рангу ходить по таким кабинетам...

Тут открылась дверь, и вошел тот самый Стефанов, которого Алексей Николаевич только что отверг. Гость сделал общий поклон, потом отдельно приветствовал директора департамента. И лишь после этого подошел к своим знакомцам. Лебедев до перевода в Петербург пять лет прослужил начальником МСП[2 - МСП – Московская сысшная полиция.]. Это он в свое время взял способного околоточного надзирателя из наружной полиции в сысшную. А Лыков, знавший наперечет чуть не весь ее личный состав, особенно симпатизировал именно Стефанову. Он и протянул первый руку:

– Добрый вечер, Василий Степанович. Какими судьбами?

Стефанов покосился на директора, словно ожидал от него помощи. Трусевич пояснил:

– Разговор у Столыпина будет посвящен тем безобразиям, которые творятся сейчас в Москве. И о которых подал сигнал господин коллежский секретарь.

Подавал сигнал? Лыков перевел взгляд на Лебедева. Его приятель скривился:

– Именно так, Алексей Николаевич. Я, когда уезжал сюда, оставил дела в порядке. А Мойсеенко, судя по всему, их развалил. И не просто развалил! Там черт-те что творится... До меня доходили слухи, которым я, признаться, не верил. Но приехал Василий Степанович и рассказал такое, что я сразу же пошел к Максимилиану Ивановичу. А тот к Столыпину. Надо что-то делать!

Надворный советник Мойсеенко три года назад сменил Лебедева на должности главного московского сыщика. Алексей Николаевич и его знал очень хорошо, оттого и недолюбливал. По его мнению, лучшей заменой был бы тот же Стефанов. Но он не вышел чином, и место отдали другому. Однако что такого натворил Дмитрий Петрович, что подвиги его удостоились внимания самого премьера?

Наконец всех позвали к Столыпину.

Совещание проходило в малом зале дворца Кочубея на Фонтанке, 16. Столыпин помимо должности премьер-министра сохранил за собой еще и пост министра внутренних дел. И на этом основании имел право на министерскую квартиру, размещавшуюся в бывшем графском дворце. В разное время тут жили и Горемыкин, и Дурново, однако Петр Аркадьевич селиться не захотел. Он жил на Елагином острове, но совещания часто проводил здесь, что вполне устраивало Департамент полиции. Ходить недалеко – только из южного департаментского корпуса перебраться в западный министерский.

Столыпин, усталый и чем-то недовольный, молча по старшинству подал руку вошедшим. Кивнул, все сели, и премьер сразу обратился к москвичу:

– Это правда, что вы сообщили Макарову?

– Так точно, ваше превосходительство.

– Тогда расскажите все еще раз, чтобы мы послушали. И как можно подробнее.

– Слушаюсь.

Стефанов откашлялся; было видно, что он сильно волнуется.

– Значит, придется сначала рассказать мне о себе, ваше превосходительство. Кто я и что, а также как попал в это колесо.

– Начинайте и не волнуйтесь, – доброжелательно подбодрил москвича Столыпин. – Если вы говорите правду, коронная власть защитит вас в любом случае.

– Благодарю. Значит, вот как теперь в Москве обстоят дела...

Стефанов вдохнул, будто собирался прыгнуть в полынью, и начал:

– Я поступил в московскую наружную полицию в тысяча восемьсот девяностом году. Начал с письмоводителя по вольному найму, а через четыре года вырос в околоточные надзиратели. Имею за свою службу сорок благодарностей и шесть наград, включая двое часов с цепочкой, а также подарок от президента Северо-

Американских Соединенных Штатов. В девятьсот третьем году господин Лебедев меня выделил и взял на службу к себе, в сыскную полицию. Сразу чиновником для поручений. А фактически я исполнял обязанности его помощника.

- Почему фактически? - обратился Столыпин к коллежскому асессору.

Лебедев пояснил:

- Должности помощника тогда в штате МСП не существовало, она появилась лишь в прошлом году, после моего ухода. Но я подтверждаю, что Василий Степанович был моей правой рукой.

Москвич продолжил:

- С переводом в сыскную жизнь моя сильно усложнилась. Дела были самые разные, в том числе и опасные. Господин Лебедев застал лишь часть дознаний, наиболее громкие начались после его отъезда. Но многому свидетелем оказался господин Лыков...

- Что скажете, Алексей Николаевич? - оживился Столыпин.

- Так и есть, Петр Аркадьевич, - ответил коллежский советник. - Мы со Стефановым вместе ловили банду головорезов во главе с Федюниным - они грабили церкви и убивали при этом сторожей. Потом шайку Галеева, убившую лавочника Лаврентьева и его дворника. При аресте банды Рыжова оба попали под огонь, рядом ранило агента. А Василий Степанович и ухом не повел, храбро пошел на пули.

В повадке Столыпина что-то изменилось. Лебедева он видел второй раз в жизни и к его словам отнесся равнодушно. А Лыкова премьер знал и уважал. Свидетельство Алексея Николаевича значило для него много.

- Продолжайте, Василий Степанович, - сказал он, давая понять таким обращением, что теперь более доверяет словам докладчика.

– Слушаюсь. Так вот. После отъезда Василия Ивановича его место занял Войлошников.

– Тот, которого боевики расстреляли на глазах у семьи? – вспомнил сановник. – В декабре пятого года.

– Он самый. Тогда в Москве творилось невообразимое. Шло вооруженное восстание, правительство сохранило власть лишь внутри Садового кольца. Кровь лилась рекой. Войлошников не успел вывезти семью из Пресни, и к нему на квартиру пришли... Александра Ивановича сгубили фотокарточки разыскиваемых преступников, которые он хранил дома. Преступники-то были уголовные, но дружинники не разобрались, решили, что Войлошников – начальник охранного отделения, а не сысской полиции. Вывели во двор и кончили... Вот. Старшими в отделении остались мы с Мойсеенко. Все разбежались, попрятались. Лишь я один ходил на службу и пытался что-то делать. В итоге явились и ко мне. – Стефанов запнулся, потом продолжил: – Хорошо, родственники в последний момент увезли моих. За четверть часа до налета. А у меня жена больная и пятеро детей! Слава богу, они спаслись. Но квартиру разграбили и подожгли. Все имущество сгорело, ничего не осталось. Гол как сокол. Ну да ладно, это только вещи; главное, что сами уцелели.

– А Мойсеенко? – впервые вступил в разговор директор Департамента полиции.

– Мойсеенко переехал в Малый Гнездяковский, – ответил Василий Степанович. – Там охрана, жандармы с казаками, он и переждал.

– А служба?

– Службу Дмитрий Петрович забросил. И другим приказал сидеть тихо, чтобы не привлекать внимания боевиков.

– Почему же начальником сысской полиции вместо погибшего не назначили Стефанова? – раздраженно спросил Трусевич у Лебедева. – Один рискует головой ради долга, а второй сидит в кустах. И в результате получает должность!

– Мойсеенко тогда уже был надворным советником, – начал оправдываться Лебедев. – И университет закончил. А Стефанов из сельских учителей и в чине

коллежского секретаря.

Столыпина же заинтересовало другое:

– Ваша служба в трудное время была как-то отмечена правительством?

– Так точно, ваше превосходительство, – ответил москвич. – На Пасху получил орден Святого Станислава третьей степени.

– А денежную награду? Хотя бы на возмещение погибшего имущества.

– Никак нет.

Трусевич обратился к премьер-министру:

– Еще не поздно разобраться с поведением надворного советника Мойсеенко во время декабрьских событий. Бездеятельность можно доказать.

Лыков не выдержал и перебил начальника:

– Максимилиан Иванович, так можно далеко зайти. В девятьсот пятом все мы выглядели не авантажно. Чего теперь после драки кулаками махать?

– Ну вы-то не из тех, кто сидел в кустах, – возразил действительный статский советник. – Вы-то известный храбрец.

– Храбрец? – нахмурился сыщик. – Уж не тогда ли я им был, когда у меня на глазах абреки застрелили поручика Абазадзе? На дороге из Тифлиса в Гомбары. Даже револьвер не вынул, стоял и дрожал, смотрел, как убивают смелого и достойного человека. Пальцем не пошевелил! [3 - См. книгу «Тифлис 1904».]

В кабинете повисло тягостное молчание. Все вспомнили недавние кровавые годы, и похоже, каждый знал за собой слабину. Столыпин покосился на Трусевича, тот состроил гримасу: мол, потом расскажу...

Премьер-министр велел коллежскому секретарю продолжать.

– Кто как себя вел в страшном пятом годе, действительно лучше не вспоминать, – согласился докладчик. – И в шестом тоже. Сейчас ноябрь тысяча девятьсот седьмого, вроде бы стало полегче. А нашего брата полицейского все равно каждый день убивают. Той России, которая была до бунта, больше нет. И не знаю, вернется ли она когда-нибудь. Раньше, если в Москве городского пальцем тронут, уж вся полиция на подмогу бежит. Хороший служивый мог разогнать драку одним внушением. А теперь... – Стефанов вздохнул и, как бы очнувшись, продолжил: – История, которую я хочу рассказать, началась именно тогда. Если помните, осенью накануне московского восстания была объявлена железнодорожная забастовка. И случился там паралич. Чугунные дороги у государства – будто вены у человека: как закупорка, так хоть ложись и помирай. Это и произошло. Чугунка встала, деловая жизнь прекратилась. А на московском узле скопилось огромное количество товара. Многие пути идут через наш город, вот и попали грузохозяева в оборот. Все пребывали в оцепенении, охраны никакой; приходи и бери что хочешь. Они и стали брать.

– Кто «они»? – уточнил Трусевич.

– Воры, ваше превосходительство. Рука об руку с железнодорожными служащими, конечно.

– Хм. А полиция?

– Об том и речь, ваше превосходительство. Общая полиция кражами не занимается, а сыскная устранилась.

– Это почему же? – насупился премьер.

– А Мойсеенко не велел. И до сих пор запрещает. Говорит: дороги за раскрытие краж не платят, вот и нечего стараться.

Столыпин покраснел и оглядел собравшихся с видом крайнего возмущения:

– Не может быть. Такого просто не может быть!

– Увы, может, – возразил Трусевич. – Я получал сигналы и направил в МСП два отношения. Обращал в них внимание начальника сыскной полиции, что хищения

на московском узле достигли гигантских размеров.

– А что Мойсеенко?

– Пальцем о палец не ударил.

– Как же вы такое стерпели, Максимилиан Иваныч? Почему не дали ход? Сообщили бы градоначальнику.

– А что толку? Рейнбот полностью его покрывает.

Генерал-майор Рейнбот был московским градоначальником и непосредственным шефом Мойсеенко. В столице о его управлении Москвой давно уже ходили нелицеприятные слухи.

Стефанов дал сановникам высказаться, а затем продолжил:

– Наконец тревогу подняла судебная власть. Изволите ли знать, за первую половину девятьсот шестого года следователи завели три сотни дел о кражах на чугушке. Я говорил с прокурором Окружного суда Арнольдом. Тот вызвал меня как хорошо известного ему по предыдущим делам специалиста и сказал... Признаться, я сначала ушам своим не поверил. Арнольд сказал, что ни в одном из этих трехсот дел нет и следа деятельности сысской полиции!

Столыпин молча стиснул и разжал кулаки.

– Сам-то он, ваш Арнольд, что-нибудь пробовал сделать? – желчно осведомился Трусович. – Эти судейские всегда норовят сесть на шею полиции и проехаться. А он не такой?

Коллежский секретарь пожал плечами:

– Когда мне понадобилась защита от собственного начальства, только Владимир Федорович мне и помог. Я же теперь в отставке... будто бы по домашним обстоятельствам. На самом деле Рейнбот меня выкинул со службы в двадцать четыре часа.

- Почему? – грозно свел брови Столыпин.

- Слишком старался исполнять свой долг, – с достоинством ответил москвич.

- Я с самого начала просил подробностей.

- Извольте, ваше превосходительство, сейчас будут. В мае этого года начальник сысской полиции не смог-таки отвертеться от Арнольда. И вынужден был через силу открыть первое дознание по железнодорожным хищениям. Поручил его мне, и я сразу рьяно взялся за дело. Скажу без похвальбы, я сыщик опытный, и преступный мир Москвы меня боится не зря. За несколько месяцев я открыл весь механизм хищений и произвел первые аресты. В частности, попался и некий торговец Зыбин. Он держит лавку москательного товара в Котяшкиной деревне. На самом деле Зыбин – крупный барыга, он организует покражи с товарных станций и далее продает ворованное посредникам. И вот взял я этого негодяя и начал допрос. При этом присутствовал младший помощник делопроизводителя МСП коллежский регистратор Соллогуб...

- Степан Николаевич? – перебил докладчика Лыков.

- Он самый.

- Опытный человек, давно в полиции.

- Опытный, – не без сарказма подтвердил Стефанов. – Вы слушайте, что дальше было. Начал барыга поддаваться, потому как улики я подобрал, взял с поличным и склоняю к признанию. Зыбин говорит вроде нехотя, но все интереснее и интереснее. Фамилии и адреса уже начал сообщать. Сам при этом косится на Соллогуба, а у того глаза бегают, как будто он не в своей тарелке. Что такое? В ум не возьму. Тут вдруг Зыбин мне и заявляет: чего-де вы меня об воровстве спрашиваете, вы спросите у Степана Николаевича, он все тонкости лучше меня знает! Поскольку соучастник.

- Так прямо и бухнул? – не поверил Столыпин. – Про сысского чиновника, и в его присутствии?

- Слово в слово, ваше превосходительство. Да вы хоть у самого Зыбина спросите.

– Дела... – Премьер мрачнел на глазах.

– Что дальше было? – влез Трусевич. – Как Соллогуб отнесся?

– А он молча встал и вышел вон. Как потом выяснилось, Степа явился прямо к Мойсеенко и все тому рассказал. Какая у нас с барыгой беседа ладится. А Дмитрий Петрович, не медля, значит, ни минуты, пошел напрямиком к Рейнботу. И только я закончил допрос и отправил Зыбина в камеру, меня вызывают срочно к градоначальнику. Сразу же я почувал неладное. Никогда до этого в одиночку к генералу не ходил, бывал много раз на совещаниях, но всегда с участием Мойсеенко. А тут одного, да на самый верх. С чего бы это? Хорошего ничего не ждал. И не ошибся. – Стефанов перевел дух и продолжил: – Господин градоначальник, как я вошел к нему в кабинет, тут же принялся орать. Ежели дикий рев его перевести на человеческий язык, сказал он следующее. Пиши, говорит, прошение об отставке. А иначе выгоню сам по третьему пункту[4 - То есть без прошения, по инициативе начальства.] и вышлю прочь из Москвы. И чтобы бумагу сочинил прямо сейчас, у меня на глазах. Вот... Я осмелился поинтересоваться, чем так не угодил его превосходительству. В форме... – Отставник смутился. Было видно, что вспоминать о разговоре с градоначальником ему крайне неприятно. – В форме, прямо скажу, хамской, генерал мне заявил: ты все по службе сообщаешь прокурорским, выносишь сор из избы, что нетерпимо. Я пробовал оправдаться – куда там. Видать, Дмитрий Петрович здорово его обработал. Рейнбот меня слушать не стал, а рычал только одно: пиши бумагу и убирайся, чтобы ноги твоей больше не было в московской полиции. А иначе вообще под суд пойдешь, мы с Мойсеенко повод придумаем. Что мне оставалось? Сочинил прошение и вышел, как оплеванный. Обидно мне очень было. Семнадцать лет беспорочной службы, сорок благодарностей от начальства, даже от североамериканского президента есть, а вот теперь стал негоден. Эх...

– Что дальше произошло? – сочувственно спросил премьер-министр.

– Дальше я пошел к прокурору, уже упомянутому мною Арнольду. Лицо горит, мысли путаются... Что делать, куда жаловаться? Чинишко мелкий, а тут генерал-майор и московский градоначальник в пух и прах изодрал. Где я и где он? Рассказал все Арнольду, как меня за слишком рьяную службу на улице выкинули. Владимир Федорович сказал: здесь я тебе помочь не смогу, меня самого из-за столкновений с Рейнботом переводят в Варшаву. Езжай в столицу, ищи правды там. А я всегда подтверждаю, что ты служил честно. И приехал я сюда.

По старой памяти пришел к Василию Ивановичу Лебедеву, а он отвел меня к его превосходительству господину директору Департамента полиции... Прошу у высшей власти защиты. – Последнюю фразу Стефанов сказал через силу и замолчал.

– А что стало с Зыбиным? – невпопад осведомился Лыков.

– Что? А... Отпустили в тот же день.

– А протокол допроса, другие бумаги по дознанию?

– У меня их отобрали. Но много черновиков я сохранил.

– Вот и хорошо.

Алексей Николаевич покосился на Столыпина, тот перехватил его взгляд и сказал:

– Этой истории уже неделя. Она внове только для вас. Я, как узнал о ней от Максимилиана Иваныча, дал ему команду взять дело на контроль. Сейчас он доложит.

– Слушаюсь, Петр Аркадьевич, – вытянулся на стуле Трусевич. – Я во исполнение вашего распоряжения тотчас же послал в Москву чиновника особых поручений Дьяченко для официальной ревизии МСП.

– А почему не Лыкова?

– Лыков в то время дознавал убийство полицмейстера Семипалатинска и еще не вернулся из командировки.

– Жаль, но пусть будет так. Дьяченко сообщил что-нибудь интересное?

– Точно так, Петр Аркадьевич. Он едва начал ревизию, а там нарушений уже вагон. Пропадают вещественные доказательства, бегут арестанты из сыскной тюрьмы, агенты вымогают у потерпевших взятки. А если те денег им не дают, то и дознания не проводят. Все, что рассказывал господин Стефанов,

подтверждается. И это только начало.

– Ага! – Глаза у премьера сверкнули. – Но что с кражами на московском железнодорожном узле?

– Там своя специфика, Петр Аркадьевич. Стефанова выгнали, и все его дознания Мойсеенко прекратил. Более того, когда он узнал, что Василий Степанович частным образом продолжает помогать прокурору Арнольду, то открыл против него преследование. Нам точно известно, что Мойсеенко подкупил двух воров, чтобы те дали против Стефанова ложные показания. Будто бы тот брал с них мзду. А надзиратель Штраних демонстративно требовал денег с потерпевших, представляясь им Василием Степановичем.

– Вот скотина! Но мы вас в обиду не дадим, господин коллежский секретарь. И на коронной службе восстановим. Но поступим хитро, чтобы раньше времени гусей не дразнить, – сказал Столыпин.

Все притихли. Петр Аркадьевич обвел присутствующих твердым взглядом и сообщил:

– Дни Анатолия Анатольевича Рейнбота как московского градоначальника сочтены.

Стефанов ахнул. Премьер дал подчиненным осознать новость, после чего продолжил:

– По моему докладу Его Величество распорядился направить в Москву сенаторскую ревизию под началом тайного советника Гарина. Это будет официальное расследование, что там Рейнбот и его люди натворили. По итогам, думаю, генерал пойдет под суд. Но меня беспокоят железнодорожные хищения. Я получил письмо от фон Мекка, председателя правления Московско-Казанской дороги. Он сообщает чудовищные цифры: за два года с московских станций похищено грузов более чем на десять миллионов рублей!

Подчиненные приняли известие по-разному. Трусевич крикнул, Лебедев возмутился, Лыков с сомнением покачал головой. Лишь отставной коллежский секретарь не удивился.

– Пора положить этому конец, – продолжил Столыпин. – Мы договорились с фон Мекком, что он финансирует деятельность специальной комиссии. Ее название: комиссия по прекращению железнодорожных краж. Руководит ею коллежский советник Лыков. Комиссии будет предоставлено право самостоятельно вести дознание и в его рамках давать поручения лицам гражданской исполнительной власти. По согласованию с генерал-губернатором разрешаю вам вызывать даже воинские команды. Вы, Лыков, наш главный козырь, с вас и спрос.

– Слушаюсь. А какими силами я могу располагать в самой комиссии? Понадобятся люди для поручений, негласная агентура, филеры наружного наблюдения, письмоводители... А деньги на расходы?

– Сами решите на месте. Даю вам широкие полномочия, а Максимилиан Иванович будет с вами в тесной связи. Деньги на расходы возьмите из секретного фонда Департамента полиции. Далее. Лыков руководит комиссией, но упор делает на негласные формы дознания, в которых он большой специалист. А господин Стефанов станет в комиссии официальным лицом. Он сегодня же получит место в канцелярии петербургского градоначальства, тем же чином. Но жить и трудиться будет в Москве. Вы, Василий Степанович, поступаете на содержание Московско-Казанской дороги, временно, на срок работы комиссии. Шестьсот рублей в месяц жалованья, и еще пятьсот – на служебные надобности. Без отчета. Полагаю, этого достаточно? Как у министра. Глядишь, это возместит хотя бы часть ваших имущественных потерь.

Коллежский секретарь вскочил:

– Так точно! Благодарю, ваше превосходительство.

– Учитывая, что московская полиция прогнила насквозь, помогать вам двоим будет не она, а железнодорожная жандармерия. Туда зараза еще не проникла. Жандармы обеспечат силовое прикрытие и доступ к дорожной сети. Приказываю начать дознание немедленно. Господа!

Теперь поднялись и остальные. Премьер-министр обвел всех тяжелым взглядом:

– На кону стоит здоровье наших железных дорог. А значит, и всей экономики России. Требую навести порядок к Пасхе. Лыков, Стефанов, выезжайте в Москву. Документы, полномочия, деньги – все получите завтра, и сразу в путь. Трусович –

на вас поддержка комиссии из Петербурга. Для этого, повторяюсь, всегда можете рассчитывать на меня. Лебедев, от вас требую обеспечить поддержку в городе. Используйте прежние связи, возможности, личные отношения, что сохранились по старой должности. Не могли сразу все чины МСП с вашим отъездом превратиться во взяточников. Найдите здоровые силы, пусть помогут Лыкову со Стефановым. Господа, все свободны.

Чиновники гурьбой вышли в приемную. Трусевич зычно скомандовал:

– Идем ко мне, будем сочинять бумаги про ваши полномочия. Чаем напою, а вот закусок не обещаю.

– У Алексея Николаевича баранки есть, – выдал друга Лебедев.

– Во! – обрадовался действительный статский советник. – Кладите, любезнейший, на алтарь, иначе работа не заладится.

Глава 2

Первые шаги

Спустя два дня Лыков со Стефановым прибыли в Москву. Василий Степанович сразу поселился на квартире, которую выделило ему правление Московско-Казанской дороги. Питерец решил жить отдельно и отправился выбирать гостиницу.

Он уже подходил к бирже извозчиков, когда за его спиной вдруг раздалось досадливое:

– Етишкин арбалет!

Лыков опешил. Во всем мире так выражался только покойный Благово! Но Павла Афанасьевича давно уже нет на свете. Коллежский советник обернулся и увидел Фороскова, своего бывшего подчиненного в Нижегородской сыскной полиции. После отъезда Благово с Лыковым в Петербург Форосков вышел в отставку. Он

помогал страховым компаниям бороться с ворами и мошенниками. Приятели не виделись почти двадцать лет. Бывший сыщик стоял у автомата по продаже перронных билетов и оттирал с рукава мел. Вид у него был непритязательный: шапка потертая, башлыка нет, из-под распахнутого ворота пальто виднелась несвежая рубашка.

– Петр Зосимович, ты ли это?

Форосков всмотрелся – и ахнул:

– Алексей Николаевич! Вот так встреча... – Он растерялся и, казалось, был сильно смущен.

«Что такое?» – подумал Лыков.

– Петр, какая удача! Поехали со мной, вспрыснем, поговорим. Или ты занят сейчас?

Бывший сыщик весь съежился:

– Я, видите ли, того... при должности. Зываю приезжих в гостиницу...

– Очень хорошо, я как раз ищу, где поселиться. Вези к себе.

– Алексей Николаевич, вам там не понравится. Номера наши не то чтобы очень первосортные.

– Пустяки. Как они называются?

– Барашкова, на Большой Бронной.

– А ты за меня комиссионные получишь?

Форосков горько усмехнулся:

– Рупь-целковый бросят.

- Поехали, а там и поговорим.

Они сели в извозчика и велели доставить их в номера Барашкова. Лыков помолчал, потом спросил в лоб:

- Что случилось, Петр Зосимович? Такая служба раньше была не для тебя.

- То раньше, - вздохнул Форосков. - Сейчас так.

- А причина? Ты же служил в страховой компании.

- Было дело. Уже не служу.

- Ну-ка поясни.

Бывший сыщик оглянулся на извозчика и понизил голос:

- У компании начали возникать большие убытки, раз за разом. Воруют и воруют, черти.

- Погоди-погоди. На железной дороге воруют? - догадался вдруг Лыков.

- А где же еще? Тут, Алексей Николаич, такое творится! Беззаконие, а полиция глаза отводит. О чем только власть думает? На миллионы ведь тащат, ей-богу, на миллионы! Разбойники захватили Москву и сосут, сосут. Кто противится, тому несдобровать. Вот и я попал. Начальство рвет и мечет, велели мне положить хищениям конец. Людей не дали, денег тоже, дали только приказ. Пошел я в Новую Деревню, куда самые дорогие грузы утекали. Так теперь Андроновка называется. В ней товарная станция Московско-Курской дороги, где наибольшие покражи. Пришел, быстро разобрался. Все ведь понятно, ребята даже не скрываются, тащат нагло каждую ночь, а бывает, что и днем. Вызнал я, кто ворует, кто помогает, кто берет краденый товар. А потом мне стукнули по голове.

- Сильно стукнули?

– Едва не помер. Четыре месяца в больнице пролежал, последние деньги на лечение ушли. Из страховой компании я уволился, теперь сижу тише воды ниже травы. Приезжих в нашу дыру заманиваю... Потихоньку спиваюсь. Вот такие дела, Алексей Николаич, ежели честно.

– Понятно, Петр Зосимович. Странно только, как это ты мне попался в первый же миг по приезде сюда.

– А чего странного? Случай.

– Случай, но особый. Во-первых, отвечаю на твой вопрос, о чем думает власть. Меня прислал сюда сам Столыпин, чтобы положить разбоям на железке конец. Создана специальная комиссия, я ее начальник. Буду заниматься выжиганием заразы. Хочешь со мной поучаствовать?

Форосков смотрел на бывшего начальника и не знал что сказать.

– Ну? Решай. Если случай нас свел, так, может, это знак? И за разбитую голову отплатишь.

– А что я должен буду делать?

– Мне помогать. Но тайно.

– В «демоны» записаться на старости лет?

– «Демона» внедряют в банду, там риск слишком велик, такого я тебе не пожелаю. Ты станешь негласным сотрудником. Поместим тебя в околупреступную среду, будешь наблюдать. Человек ты опытный, учить не надо.

– А из номеров Барашкова, стало быть, мне уйти?

– Да. Служба, как я понял, тебя и не кормит, и не радует – черт бы с ней. Закончим с железкой – что-нибудь придумаем.

Форосков размышлял недолго. Он сдернул с головы шапку и хлопнул ею о борт экипажа:

– А, одна помирать! Так лучше с вами, чем с этими. Извозчик, вези нас в другое место.

– Это в какое же? – повернулся к седокам бородач.

– Сначала в трактир, где получше, – ответил ему Лыков. – Соскучился я по московским харчам.

– А где получше, барин?

– Я у Крынкина никогда не был, – влез Форосков. – А все хвалят.

– Да, валяй к Крынкину на Воробьевы горы, – поддержал коллежский советник.

Возница обрадовался и лихо развернул пролетку:

– Вот сразу видать, что хорошие господа. Н-но, милая!

Ресторан Крынкина был знаменит не только кухней, но и уникальным местоположением. Он располагался на огромном балконе, приделанном к склону горы. С балкона открывался красивейший вид на всю Москву, от Новодевичьего монастыря до Сокольников. По случаю осени большая терраса уже была накрыта тентом. Лыков по-хозяйски занял лучший отдельный кабинет, велел позвать знаменитого Серго. Явился повар-кавказец.

– Слушаю, дорогой. Чего ты хочешь?

– Накорми нас, Серго, настоящими хинкалами, да шашлыков изготовь повкуснее.

– Все будет, батано. Пока пейте-закусывайте, лобио у нас сегодня – вах! Пальцы откусишь. Ну, я пошел делать?

– Да, вели там подать пышкинских огурчиков и раков ваших знаменитых. Мы ждем!

Серго с достоинством поклонился и ушел исполнять заказ.

– Вы тут не в первый раз, видать, – заметил Форосков. – С поваром на короткой ноге.

– А, – отмахнулся Алексей Николаевич, – у него таких, как я, приятелей – тысяча. Он нас по именам-то не помнит, не то что... Но давай поговорим о тебе. Так ты согласен?

– Хорошо бы поподробнее, Алексей Николаич. Жизнь у меня сейчас такая сволочная, что я, конечно, согласен. Но хочется знать, на что.

Лыков принялся рассказывать:

– Терпение у власти действительно кончилось. Начинают копать под самого Рейнбота.

– Давно пора! Ежели его не убрать, то все останется, как прежде.

– Столыпин это понимает. Государь уже назначил сенаторскую ревизию, она скоро приедет сюда. От Анатолия Анатолича перья полетят. Но нас с тобой это касается лишь отчасти. Наше дело – кражи на московском железнодорожном узле. Расскажи о том, что знаешь. Правда там все настолько запущено?

– Правда. Все товарные станции, что имеются в Москве, заняли преступники. Служащие, сукины дети, и есть первые воры!

– Какие служащие? Мелочь или?..

– Я с начальством дела не имел, так что не знаю. А весовщики, сторожа, даже самый последний крючник – все тащат себе в карман. Причем третий год уже. Начали с декабрьского восстания, и до сей поры никак не остановятся.

– Хм. А кто атаманит? Ведь над крючником или весовщиком стоит заправила?

– Конечно. Имеются крупные скупщики, которые сбывают похищенное. Их и надо истребить в первую голову.

- А в сыскную полицию ты не обращался?

- Когда начальство приказало мне известить воровство, я пошел в Малый Гнездниковский. Поговорил там с двумя ребятами: так, мол, и так, помогите, откройте дознание. Они сразу сказали, что если денег им не дать, то никакой помощи от сыскных не жди. Выложу пятьдесят рублей вперед - тогда ударят палец о палец. Но без гарантий.

Лыков грубо выругался, потом спросил:

- Что решили твои бонзы?

- Бонзы сказали: мы тебе за что деньги платим? Чтобы еще сыщиков кормить? А ты тогда на кой? Иди и лови, больше с такими глупостями не лезь.

- А потом тебе дали по голове...

- Да, потом мне дали по голове.

- Как фамилии тех ребят из Гнездниковского?

- Один был помощник делопроизводителя Соллогуб, а второй - надзиратель Рагин. Оба жулики похлеще уголовных.

Бывшие сослуживцы просидели в ресторане часа три. Потом на моторной лодке переправились через реку, поймали извозчика и велели везти их на Домниковскую улицу в гостиницу «Неаполь». Там и поселились в соседних номерах. Алексей Николаевич заставил Фороскова подписать соглашение о сотрудничестве, как негласного агента Департамента полиции. Выдал ему сто рублей подъемных и велел вживаться в роль. А сам поехал на важную встречу - к фон Мекку.

Магнат принял гостя радушно:

- Здравствуйте, Алексей Николаевич. Очень рад. Позвольте представиться: Николай Карлович. Надворный советник.

Сыщик хмыкнул:

- А в железнодорожной табели о рангах вы кто? Действительный, тайный?

- Вроде того, - поддержал шутку Мекк.

Он понравился Лыкову: живой, доброжелательный, умный. Хозяин сразу перевел разговор в деловое русло:

- Рад, что правительство наконец заметило, что у нас творится. Мы, Московско-Казанская дорога, больше других заинтересованы в наведении порядка. И готовы за это платить. Я общался с господином Стефановым и высокого мнения о его способностях. Обещаю поддержку, не только рублем, но и связями, советами, людьми. Ваша роль в дознании, простите, будет какая? Столыпин нечетко заявил, что вы будете руководить комиссией от Департамента полиции. Так? Почему прислали человека из Петербурга? Это из-за Рейнбота с Мойсеенко?

- Да, - ответил коллежский советник. - Местная сыскная стухла, на нее надежды никакой. Нужен человек, не зависимый от градоначальства. Этим человеком стану я. А еще те люди, которых удастся привлечь на свою сторону - я имею в виду москвичей. Никакой варяг без вас не справится, какие бы бумаги ни лежали у него в кармане.

- Как будет работать комиссия? С чего вы начнете?

- С совещания, - усмехнулся Алексей Николаевич. - У вас в кабинете, лучше побыстрее. Например, сегодня вечером. Стефанов сделает доклад: что он открыл, как обстоят дела на железке. Послушаем и наметим план действий.

- Кто еще будет присутствовать?

- Помимо нас троих нужен кто-то от железнодорожной жандармской полиции, он войдет в комиссию.

- Вы хотите, чтобы я подобрал подходящую кандидатуру?

– Да, Николай Карлович. Вы знаете кадры, вам виднее. Согласуйте с начальством, и пусть этот человек тоже вечером приходит. Нам с ним придется бок о бок воевать, воры без боя не сдадутся. И возможности ОКЖ[5 - ОКЖ - Отдельный корпус жандармов.] понадобятся не раз.

Они договорились увидеться в этом же кабинете в девять часов вечера, и Лыков ушел. Согласно правилам, коллежский советник должен был представиться генерал-губернатору и градоначальнику. Приехал из столицы с поручением от самого премьер-министра, должен уведомить об этом власти и заручиться их поддержкой... Но градоначальник был одной из мишеней, и сыщик решил его игнорировать. Он отправился на Тверскую площадь к генерал-лейтенанту Гершельману. Тот командовал войсками округа и одновременно был московским генерал-губернатором, сменив на этом посту адмирала Дубасова.

Сыщик был в Первопрестольной во время восстания и видел Дубасова в деле. Градоначальник Медем испугался и заперся на квартире, даже к окнам боялся подходить. Полицейские, глядя на него, тоже смутились. Выручил Москву адмирал. Твердый, спокойный, заранее уже простившийся с жизнью старик подавил бунт с минимальными для тех обстоятельств репрессиями. После чего пережил два покушения, в одном ему раздробило ногу, а во втором контузило. Он похоронил адъютанта, сам чудом выжил и был направлен государем на покой в Государственный совет...

В 1906 году Медема заменили Рейнботом, а Дубасова Гершельманом. Сначала общество приняло последнего хорошо: боевой генерал, был ранен в Русско-турецкой войне, а в японскую отличился под Мукденом. Но затем Алексей Николаевич слышал разговоры, что как администратор Гершельман являет собой весьма малую величину. Приличный человек, но слишком военный, чтобы тащить и округ, и генерал-губернаторство. Вот и дал много власти Рейнботу.

Разговор о поручении Столыпина был генералу неприятен. Поэтому он уделил командированному ровно три минуты. Обещал необходимую поддержку – и тут же стал коситься на часы: мол, ступай, некогда мне. Лыков откланялся и ушел.

Вечером в кабинете фон Мекка на Рязанской улице состоялось совещание. Кроме самого хозяина и Стефанова присутствовал еще один человек. Среднего роста, слегка полноватый, со спокойным взглядом, он был одет в жандармский мундир.

– Позвольте представиться: помощник начальника Московского ЖПУЖД[6 - ЖПУЖД – жандармско-полицейское управление железных дорог.] подполковник Запасов. Включен в вашу комиссию от управления.

– Рад познакомиться. Я Алексей Николаевич, а вы?

– Дмитрий Иннокентьевич.

– Будем вместе служить. Вам объяснили цели нашей комиссии?

– В общих чертах, – ответил подполковник, оценивающе разглядывая Лыкова. – Вы ведь не специалист в железных дорогах?

– Нет. Зато вы специалист. Да и Николай Карлович в случае чего поможет.

Фон Мекк тут же вынырнул из-за плеча жандарма:

– Дмитрий Иннокентьевич, да вы что? Сам Столыпин наконец-то занялся нашей бедой. Надо пользоваться случаем.

– Да я не против, чем смогу – помогу, – согласился Запасов. – Но объясните толком, господа, в чем нужна наша помощь. А то такая телеграмма пришла из Петербурга, что хоть бросай остальную службу, только вашей комиссией и занимайся.

– А вот сейчас нам Василий Степанович сделает доклад, сразу все станет ясно, – доброжелательно ответил Лыков.

Жандарм ему понравился: знает себе цену и не готов лететь сломя голову по первому окрику начальства.

Члены комиссии уселись в кресла, Стефанов разложил перед собой бумаги, нацепил на нос очки.

– Ну, тронулись?

Глава 3

Особенности московского разбоя

– Я начну, господа, с описания московского железнодорожного узла. Местным это не нужно, они и так все знают. Но Алексею Николаевичу полезно. Заодно буду указывать, где у каждой дороги станции, откуда производят грабежи.

– Сделайте одолжение, – кивнул Лыков.

– В городе сходятся восемь дорог. Самая старая, понятно, Николаевская. Ее товарная станция находится на Каланчевской площади. Далее идет Московско-Казанская, где председателем правления Николай Карлович и в помещении которой мы сейчас сидим. У нее две товарные станции. Главная, Москва-Рязанская, находится в Гавриковом переулке. А еще есть Москва-Вторая, где тоже располагают грузы. По-другому она называется Митьковская. И там, и там воруют сильно...

Фон Мекк буркнул себе под нос крепкое словцо.

Стефанов помолчал, давая магнату выговориться. Ничего не дождался и продолжил:

– Затем идет Московско-Курская, Нижегородская и Муромская дорога, третья по оборотам. У нее тоже две товарные станции: одна Рогожская, в Новой Деревне, а вторая поблизости от нее, именуется Нижегородской, при ней еще депо. Эти две станции, скажу так, самые безобразные. Там любого сажай в тюрьму, и не ошибешься... – Это три крупнейших дороги, – переведя дух, продолжил докладчик. – Есть несколько поменьше: Московско-Брестская, Московско-Виндавско-Рыбинская, Московско-Киево-Воронежская и Рязанско-Уральская. У последней станция на Даниловской улице. Самая, кстати, удобная для отсылки товаров на юго-восток, на кавказские дороги, на Сызрано-Вяземскую и прочие. Поэтому там воруют особенно много, и надо обязательно ей уделить внимание.

– А остальные, что вы назвали, совсем мелкие? – поинтересовался Лыков.

– У этих на троих две станции: в Большом Дорогомилове, повозле моста, и на Мещанской улице близ Крестовских башен. В сумме обороты тоже выходят приличные, но предлагаю оставить их на сладкое. Ежели мы прищучим большое жулье, мелкое само разбежится.

– Василий Степанович, вы говорили, что дорог восемь, – дотошно продолжил расспросы питерец. – А я насчитал с ваших слов семь. Кого забыли?

– Московско-Ярославско-Архангельскую, – пояснил москвич. – Ее сейчас переименовывают в Общество Северных железных дорог. Станция у них на Красносельской улице. Предлагаю поступить с ней так же: оставить на ужо. Иначе сил не хватит. Надорвемся.

– Какие обороты по перевалке дает сейчас московский узел?

Стефанов покосился на фон Мекка. Тот ответил:

– Так сразу я вам не скажу. Надо запросить порайонный комитет.

– Что еще за зверь?

– Московский порайонный комитет по регулированию массовых перевозок грузов по железным дорогам. Это регулирующий орган, от Министерства путей сообщения.

– Черт с ними, – смилостивился Лыков. – обойдемся без лишней статистики. А вот сколько украдено, хотя бы примерно, хотелось бы знать. Петр Аркадьевич говорил про десять миллионов рублей, если считать с девятьсот пятого года. Ссылался на вас.

– Я ошибался, – хмуро ответил магнат. – Только наша дорога лишилась грузов на шесть миллионов. Общая цифра потерь, по моим оценкам, много выше той, что я сообщил Столыпину. Где-то миллионов семнадцать. А точно никто не знает.

Алексей Николаевич молча посмотрел в потолок. Что тут скажешь? Цифра потрясла его. Действительно, проблема национального масштаба! Отчего же так долго на нее не обращали внимания? Кто такие Рейнбот с Мойсеенко, чтобы обречь страну на подобные испытания?

– Однако, – выдавил Запасов. – А вы уверены, Николай Карлович? Ведь это же колоссальные убытки! Люди теряют деньги и молчат? По нашему управлению мы не получали особых сигналов.

– Там сложная система взаимоотношений, – стал оправдываться фон Мекк. – Многие убытки выглядят как недостачи, а не как следствие грабежей. Потом часть потерь отправителей покрывают страховые компании. Наконец если даже убытки повесили на дорогу, но она казенная... Сами понимаете: казенное, значит, ничье. Заплатят и молчат.

– Куда же смотрят начальники дорог? – возмутился жандарм. – Ну и что, если казенное? Это же народные средства.

Надворный советник молча глядел на подполковника, словно хотел сказать: а сам не понимаешь, куда они смотрят?

– Питерец вмешался:

– Эмоциями делу не поможешь. Московско-Казанская дорога частная, там есть хозяева. А тоже теряет миллионы. Давайте дослушаем Василия Степановича. Как совершаются кражи и грабежи? Кто главные преступники?

Стефанов глянул в заготовленный текст доклада:

– Способов несколько. Самый легкий и притом действенный – это тащить товары через дыру в заборе.

– Через дыру? – удивился Лыков. – Так просто?

– Да.

– Но почему ее не заколотят?

- Потому что рядом тотчас же появится другая.

- А можно подробнее?

- Можно. Выглядит все так. Начиная с девятьсот пятого года вокруг каждой из товарных станций барыги скупили дома. Дома эти особенные, в них проживают артели крючников, которые станцию и обслуживают. Официально как рабочие по перевалке грузов, но на самом деле все они воры.

- И крючники, и воры в одном лице?

- Точно так. Эти лихие ребята живут при станции, спят, едят, баб нанимают от хозяина. Артель как артель. Но воровская. Ночью они заходят на станцию - у всех же есть пропуск. И тащат что плохо лежит. Через дыру в заборе, о которой я уже говорил. С той стороны уже стоят ломовые извозчики. Грузы тут же доставляются к держателю артели, и там их когда переделывают, чтобы товар было не узнать, а когда и не прячут вовсе. Прямо так и отдают покражу.

- Куда?

- Перекупщикам, конечно, - тоном знатока ответил коллежский советник.

- Вот-вот. Перекупщики уж заранее знают, что и в каком количестве за ночь стащили. И рано поутру приезжают к дому барыги со своими возами. Ежели явиться туда в этот момент, то вы подивитесь, насколько все отлажено. Телеги чинно подходят к воротам согласно очереди, товары грузят не таясь, никто не скрывается.

- А дальше что происходит с теми товарами? - живо поинтересовался фон Мекк.

- Дальше все катится по проторенной дорожке, - ответил Стефанов. - Перекупщики лишь промежуточное звено. Их задача - раздробить товар. У каждого имеется свой круг проверенных покупателей, которые пульнут краденое еще дальше. Вплоть до конечного потребителя.

- А что воруют чаще всего? - уточнил Лыков.

– Мануфактуру. Самый ходовой в Москве товар. Ткани в штуках и отрезах, да и готовым платьем не брезгают. Многие отсылают в провинцию, вплоть до Урала и Сибири. Дешево же! Дешевле, чем купить у производителя. Вот наши купцы и оскоромились. Но не только наши. Уходит и в Лодзь. Там нашьют на платье свою этикетку, и оно обратно к нам вернется. Вы в магазине купите и не догадаетесь, что ворованное.

– Так. А еще что?

– Хлопка много тащат, что едет сюда из Туркестана. Вокруг Москвы десятки складов особого рода. Там хлопок моют, сушат и сортируют. Заново уминают в кипы и опять же толкают в Лодзь. Но в покражу идет все, что можно выгодно продать. А бывает, что вывозят прямо в ворота, мимо сторожей. Вот, извольте.

Коллежский секретарь зашуршал бумажками:

– Я взял для образца несколько своих прежних дознаний. Сами бумаги у меня отобрали, когда выгнали, но черновики остались. Тут все говорит само за себя. Вот, к примеру, дело от шестого марта прошлого года. Со станции Москва-Товарная Нижегородской дороги украли десять мест, или двести восемьдесят восемь кусков мануфактуры общим весом сорок шесть пудов. Отправитель – Товарищество Ивана Гарелина с сыновьями, из Иваново-Вознесенска. Стоимость товара – две тысячи семьсот пятьдесят рублей. Получатель – харьковский торговец. Вместе с той мануфактурой пропало еще два места шелкового товара, весом девять пудов и пять фунтов, по цене четыре тысячи рублей, отправитель – московский купец Седакин. Куда делось столько груза? Я выяснил следующее. Началось все на станции Кусково во время сортировки товара. Весовщик этой станции, некто Полухин, взял и уничтожил документы на мануфактуру, на означенные десять мест. И послал ее в Москву-Товарную. Там мануфактура, естественно, оказалась бесхозной. Бумаги-то тю-тю. Явился тот самый Полухин, покалякал с кем надо. И с согласия здешних весовщиков, Попова и Бокшеева, весь товар выдали артельщику Рябушеву. Понятное дело, за мзду.

– Кто такой этот Рябушев? – оживился подполковник. – Фамилия знакомая.

– Артельщик городской станции московских казенных железных дорог и большая бестия. Так вот, взял Рябушев краденое и увез его среди бела дня со станции.

– И как он забрал без документов пятьдесят пудов? – заерзал в кресле фон Мекк.

– Артельщик имел законное поручение забрать десять мест миткаля. Переправил десять на двадцать и спокойно вывез мимо сторожей.

– Эх-ма...

– Вы слушайте, господа, что дальше было. Рябушев доставил груз на Таганскую площадь, в дом торговца фруктами Алюлина. Тот был лишь посредник, себе ничего не взял, а направил артельщика к своему приятелю по фамилии Мякотин. Тот Мякотин содержит мастерскую готового белья на Сретенке. Он и купил весь товар оптом, заплатив за него тысячу рублей. Дальше все просто: ткань пошла в дело.

– А шелк куда делся? – вспомнил Запасов. – Из него наволочки не сошьешь.

– Шелк Рябушев продал торговцу мануфактурой Расторгуеву, у того магазин в Каретном ряду. И поныне там, вполне процветает. В партии было двадцать четыре куска материи «сюра» – дорогая штука! – и еще четыреста девяносто пять платков. Расторгуев тем же днем разбросал весь похищенный товар по своим людям. Часть взял Кулюшкин из магазина на Второй Тверской-Ямской, часть – держатель шапочной мастерской Сатылкин, а остальное забрал торговец остатками в Ветошном ряду некий Иванов.

– Это что, все наши купцы – воры? – растерялся жандарм. – Хапнули заведомо краденое, даже не поморщившись?

– Так выгодно же, вдвое дешевле, чем если честно покупать. Кто тут устоит?

– В этом и беда, – взволнованно заговорил фон Мекк. – Воры сами по себе были бы не так опасны, если бы общество не потакало им. А оно потакает! Чуть не каждый соблазнится, ежели дешевле. И что делать? Купят, спрячут, перешьют-перекрасят, а полиции слова никто не скажет.

Лыков вернул разговор в деловое русло:

– Василий Степанович, что стало с теми, кого вы поймали?

– Прежде скажу, кого я еще прихватил в той истории, – ответил коллежский секретарь. – В деле мелькнул один прощелыга, Прохор Елисеев. Он был посредник при Рябушеве, специалист по краденому. Когда я сделал у него в доме обыск, то нашел граммофон и полсотни пластинок. Знакомый товар! Его похитили у фирмы Кенца, что на Мясницкой. Фирма послала груз в Нижний Новгород, на ярмарку. А по вскрытии на месте оказалось, что из десяти посланных граммофонов доехали только четыре. Из ста пластинок осталась половина. А две тысячи граммофонных иголок, весьма дорогих, пропали полностью. Вместо похищенного воры сунули в ящики кирпичи.

– Специалист оказался не узкий, а широкий, – констатировал питерец. – И мануфактуру брал, и шелковые платки, и даже иголки к граммофонам. Так что с ними со всеми стало? Вы взяли их с поличным. Суд был или нет?

Стефанов махнул рукой:

– Какой суд? В Москве так не принято. Когда меня выгнали, воры откупились и вышли на свободу. И сейчас как ни в чем не бывало занимаются тем же промыслом.

– М-да... – пробурчал подполковник. – А давайте их жажнем!

– Доберемся, Дмитрий Иннокентьевич, – заверил его Лыков. – Все они у господина Стефанова в синодик записаны. Но продолжайте, Василий Степанович. Какие еще способы краж изобрели мазурики? Про дыру в заборе мы поняли. А напрямик в ворота только с поддельными бумагами можно краденое вывезти?

– Сторожа подкуплены все, – сообщил докладчик. – А те, кто отказался, уже убиты.

– Как убиты? – поразился Лыков.

– Да так, убиты. Трех человек зарезали в нынешнем девятьсот седьмом году, и еще один пропал без вести. Все честные уволились, не дожидаясь беды. Остались лишь продажные.

– И у нас на Казанской дороге тоже? – не поверил фон Мекк.

– И у вас, Николай Карлович, – сказал Стефанов.

– Да я их сей же час заменю!

– Пожалейте людей. Сей же час их и зарежут, при первом противодействии. Надо ломать систему. Все продумать, подготовить и лишь потом нанести удар. На это уйдет время. Покуда будем наблюдать, искать связи, цепочки, по которым уходит товар, регистрировать всю эту публику.

Слова Стефанова прозвучали убедительно, с ним нельзя было не согласиться. Но магнату было жалко убытков, и он начал возражать:

– Но ведь каждый день несет новые потери. Тысячи теряем! Может, хоть как-то прикрыть дыру? Гаечки подвернуть, пропуска новые наладить, замки на складах поменять?

– Вы начните это делать, – вмешался Лыков. – Запретить вам никто не может. Ну а мы будем готовить удар.

На том и согласились.

Докладчик продолжил:

– Алексей Николаевич прав, вся эта сволочь у меня давно записана. Имена главных скупщиков известны. Красавин, Васильев, Членов, Игнатъев, Тешнин, Сибион, Балашов, Городецкий, Любавский, ну и десятка два помельче.

– Это те, чьи дома стоят возле станций, а в них живут особые крючники?

– Часть вроде как в стороне, держат магазины на лучших улицах, это Членов и Любавский. Некоторые, как Сибион, посредники, зато очень крупные. А остальные да, живут возле станций. И ведут себя нагло. Если, к примеру, нужный им вагон по каким-то причинам отогнали от забора вглубь, они совершенно спокойно заезжают туда на телегах. Громят вагон, затем тащат добычу к «своей» дыре и переваливают на ту сторону. А на вагон вешают

поддельную пломбу, и он уходит прочь полупустой. Каждую ночь так, у жуликов это называется «выходить на биржу».

– Способов хищений много, – после паузы продолжил Стефанов. – Например, если товар сыпучий – зерно или сахарный песок, – то просверливают полвагона и сыпают его в мешки. Пломбы целы, а товар похищен. Так поступают, например, у Николая Карловича в Гавриковом переулке. Ведь Москва-Рязанская – главная хлебная станция страны. Там переваливают в огромном количестве все восемь зерновых хлебов[7 - Пшеница, рожь, ячмень, кукуруза, овес, просо, гречиха, горох (горох тогда относили к зерновым хлебам)]. Или есть кража «из-под лапки». Лапкой называют загнутый конец той рельсы, по которой ходят ролики вагонной двери. Конец отгибают фомкой, дверь сдвигают без повреждения пломбы, хищничают, а потом ставят лапку на прежнее место.

Алексей Николаевич покосился на собеседников. И Запасов, и фон Мекк слушали уволенного сыщика раскрыв рот, притом что оба всю жизнь прослужили на железной дороге.

– Воры стараются там, где можно, замаскировать свое преступление, – продолжил Стефанов. – Если пломба не сломана, тогда в пункте прибытия составят акт не о краже, а о недостаче. Вину за нее повесят на грузохозяина, а кражи как будто и не было. Поэтому делают так. Пломбу вскрывают, берут, что нужно. Потом специальным шилом расправляют края свинчатки и заново сдавливают ее щипцами. Под щипцы кладут резину, чтобы не смять старые цифры и буквы. Дальше подвесили ее на вагон – и ходу. Кроме того, бывает, что кражи совершаются при участии складских сторожей. Места товара вывозят со станции, а на дороге кладут несколько штук, что подешевле. После этого сторожа поднимают тревогу и начинают будто бы преследовать воров. Даже стреляют в воздух! Брошенные места собирают под видом отбитого товара и предъявляют начальству: вот, кое-что удалось вернуть... А сами, конечно, в доле.

– На нашей дороге тоже такое случалось? – опять спросил фон Мекк.

– Случалось, и не раз.

– Возмутительно!

Алексей Николаевич дал магнату отвести душу, а потом сказал:

– Василий Степанович, с ворами понятно. И хорошо, что личности главных деятелей вам известны. Ударим по голове, одной ночью всех возьмем. А как с грабителями? Там тоже для вас нет тайн?

– Мир грабителей иной, – осторожно ответил московский сыщик. – Если воры с перекупщиками давно уже страх потеряли и не стесняются, то у бандитов по-другому.

– То есть тайны есть?

– Конечно. Там непроницаемые недра. Кое-что я знаю, но в общих чертах.

– Расскажите, что знаете.

Стефанов задумался. Было видно, что он не боится, нет. Но понимает цену и своего слова, и своей ошибки.

– Нападения на поезда случаются везде, – начал он издалека. – Россия никак не отойдет от морока революции.

– Бог с ней, с Россией, давайте про Москву.

– Про Москву... Извольте. Самый опасный участок – это Ново-Андроновский, что в Четвертом отделении. Старинное бандитское село Андроновка теперь переименовали в Новую Деревню, но лучше от этого не стало. Там всегда был буйный народ. А когда у них построили железную дорогу, то они приняли это как сигнал. Мол, бери и владей. Собирай дань с угодий.

– Часто собирают?

– Постоянно. Самая опасная банда там. Серега Хрипатый и Ленька Хотьковский ужас наводят на всех. Звери, даже хуже зверей. Кровь пролить им как квасу выпить.

– И полиция это терпит? – усомнился питерец.

– Пытаются что-то сделать, да трудно совладать. Вся округа помогает, там у них смычка. В каждой семье кто-нибудь или сидит в тюрьме, или высланный. Полиция – как в осажденной крепости. А в самой банде тридцать человек! Голову срежут любому.

– Ясно. Следующий кто на очереди?

– Следующее гиблое место – это Лефортовская часть. Под ударом опять ваши станции, Николай Карлович. В Третьем участке станция Сортировочная, а в Первом – Гавриков переулоч. Ужас что творится... Бандиты узнают от кондукторов, в каких вагонах самые ценные грузы. И садятся на поезд. Иногда даже надевают форму. В заранее подготовленных местах вскрывают двери, выбрасывают товары наружу, а потом навешивают фальшивые пломбы. Щипцы у них для этого при себе, но и револьверы тоже. По команде паровоз замедляет ход, ребята степенно соскакивают, подбирают выброшенное и на телегах увозят скупщикам. Если кто им мешает, того безжалостно казнят. Кондуктора поэтому не препятствуют, а, наоборот, помогают. И жив останешься, и деньгу заработаешь... А на станции Перово с бандитами в доле даже жандармы!

Лыков вспомнил, как два месяца назад наблюдал похожее возле Чесменской платформы. А Запасов молча черкнул что-то в своей книжке, но комментировать не стал.

– Первый участок опасен даже в дневное время, – продолжил Стефанов. – На Николаевской улице бандиты нападают на поезда с оружием в руках. Случаются настоящие бои между ними и охраной. Атаман там – знаменитый Савостьянов по кличке Савоська. А есаулом у него Митька Бакалейников, который лично убил, по слухам, двадцать шесть человек. Все его боятся, как огня... Он неугодных вяжет и насильно вливает в рот хлористого цинку, которым шпалы пропитывают. Мучительная смерть... Дислокация у банды где-то в Сокольничьих улицах, с Восьмой по Двенадцатую, а точнее не узнать. Ну и третье бандитское укрытие – это Котяшкина деревня. Там с одной стороны – пути Николаевской дороги, а с другой – Ярославско-Архангельской...

– Погодите-ка, – остановил докладчика Лыков. – Котяшкина деревня в другом месте. Возле Миусской площади, между Оружейной, Долгоруковской и Четвертой Тверской-Ямской улицами. Старинный разбойничий притон.

– В Москве, Алексей Николаевич, сейчас два притона с таким названием. Та Котяшкина, о которой я говорю, расположена в Алексеевском участке, вокруг станции Николаевка Митьковской соединительной ветки. Место много хуже, чем у Миусской площади. Как и в Андроновке, здесь тоже, почитай, каждый второй или вор, или жулик. А краденое принимают в каждом первом доме! Честного человека днем с огнем не найдешь. От полиции там приставлен околоточный надзиратель Цыбин. Богатый человек, давно уже куплен ворами и чуть ли не верховодит одной из банд. Вот такой у нас в городе пасьянс.

Стефанов прервался хлебнуть чаю. Алексей Николаевич резюмировал:

– Значит, криминальные места – это товарные станции и скупщики краденого вокруг них. А еще три бандитские местности: Новая Деревня, Сокольничьи улицы и окрестности Николаевки. Так?

– Да.

– Начнем с воров. Фамилии пристанодержателей нам известны, приемы краж тоже. Как поступим?

– Окружить эти поганые дома, сделать там повальный обыск, – предложил фон Мекк. – Они, как я понял Василия Степановича, набиты похищенным. Вот и доказательства. Вы арестуете владельцев, артели крючников сами после этого разбегутся. Я заколочу дыры в заборах и сменю весовщиков и сторожей.

Запасов покачал головой:

– Прийти и арестовать на основании результатов обыска? Замучаемся доказывать, что товар, сваленный во дворе, краденый.

– Отчего? Они не смогут предоставить документы на него.

– И что? Скажет нам барыга, что купил по дешевке с рук, а бумаги оформлять не стал. Адвокатов наймет. Те нас и умоют...

– А вы что предлагаете? – рассердился фон Мекк. – Наблюдать еще год?

– Братъ, но с поличным. Ребята зайдут на станцию, возьмут товар, начнут его через дыру в заборе наружу переправлять. Тут мы. Сразу всех и возьмем на краже. Крючники хозяина так просто не сдадут, вор вора всегда покроет. Они от него деньги получают. А тут улики, сговор – все, что нужно прокурору.

Но Лыков возразил:

– Мелко копнем. Ну, возьмем мы крючников и их хозяев, барыг, так сказать, первого порядка. А их друзья-перекупщики? А третий ряд? Нет, хватать – так сразу всю сеть.

Фон Мекк еще долго возражал, он требовал прекратить хищения немедленно. С большим трудом сыщикам удалось убедить его в своей правоте.

– Понадобится силовое прикрытие, – напомнил Лыков, когда спор закончился. – Сыскную полицию привлекать нельзя, она первая нас и продаст, предупредит воров. Дмитрий Иннокентьевич, вся надежда на вас. Дадите жандармов?

– Железнодорожная полиция немногочисленна, – ответил подполковник. – Но в Москве стоит жандармский дивизион. Оттуда и возьмем людей, сколько понадобится.

– Отлично. Теперь вы, Василий Степанович. Ведь не все сыщики продались?

– Есть и честные, – подтвердил коллежский секретарь.

– Найдете пять-шесть человек из состава МСП, которые нам помогут?

– И больше найду, если потребуется. Моей правой рукой в железнодорожном дознании был надзиратель Бишовец. Опытный, смелый. Он, правда, вынужден был уволиться после моей отставки. Сожрали его люди Мойсеенко. Хорошо бы вернуть его на службу, а?

– Для начала привлечем в комиссию по вольному найму, – ответил Лыков. – А когда сменим начальство МСП и начнем чистку рядов, примем Бишовца обратно. Еще люди есть? Которые не уволились, а пока служат?

Василий Степанович стал загибать пальцы:

- Гревцов, Баронин, Урусов, Фролов, Ксаверьев, Лагунов, Улупов, да вот Бишовец. Восемь человек, в ком я уверен. Эти сохранили порядочность. Был еще чиновник особых поручений Кельдебин, честный и знающий. Но Рейнбот его недавно выгнал, таким же манером, как и меня.

- Пусть порядочные нам помогут. Жандармские вахмистры дознания не проведут, обыск не сделают, они только для устрашения.

- Но как сыщики нам помогут, Алексей Николаевич? Для этого им понадобится поручение от Мойсеенко. А вы сами только что сказали, что он продаст нашу облаву.

- Поручение им дам я, в рамках своих полномочий.

- Через голову Мойсеенко?

- Именно.

- Дмитрию Петровичу сильно это не понравится.

- Я на него плевать хотел.

- Он побежит к Рейнботу.

- И на него наплевать!

- Но он пока еще градоначальник. Мы нарушим все правила.

- На моей бумаге подпись премьер-министра. Там сказано, что я вправе давать указания местным властям, и они обязательны к исполнению.

- Да, но давать их вы должны тем же самым Рейнботу и Мойсеенко. А не их подчиненным напрямую.

Питерец терпеливо принялся объяснять:

- Будет скандал, ну и пусть. Чем мы рискуем?

- Головами тех порядочных сыщиков, которых призовем на помощь. Мойсеенко им не простит. Выгонят, как меня, а у них жены и дети.

- Не успеет. И потом, я ему скажу несколько слов, и Дмитрий Петрович не решится начать войну.

Стефанов скептически покачал головой. Лыков продолжил:

- Многое еще будет зависеть от результатов нашей облавы. Надо ударить разом, в одну ночь накрыть всех воров и барыг. Арестуем сотни людей, это будет большое и трудное дело. Но зато как оно представит московское начальство? Приехавшие из Петербурга вскрыли такой нарыв. А местные терпели его годами. После такого кто посмеет обвинить ваших честных сыщиков?

- Ну-ну... Так что я должен сделать?

- Поговорить с теми, кому доверяете, приватно. Скажите им так: ничего не бойтесь, нынешнего начальства скоро не будет. А новому вы предъявите свою помощь комиссии Лыкова. Надо показать, что вы не молчали, не сидели сложа руки.

- То есть я могу обещать им защиту?

- Не только защиту, Василий Степанович. Вспомните разговор со Столыпиным. Он ясно дал понять, что дни Рейнбота на должности столичного[8 - Москва считалась столицей наряду с Петербургом.] градоначальника сочтены. Значит, и Мойсеенко тоже. Как минимум его выгонят за бездействие, следствием которого стал такой разгул преступности. А может, и до суда дело дойдет. Московскую сыскную полицию ожидает большая чистка. И те, кто сейчас поможет нам с вами, могут рассчитывать на место в обновленной МСП.

- Теперь понятно. Сколько нам понадобится людей?

– А сколько их вообще? Вам ведь год назад существенно расширили штаты.

– Так точно. Было двенадцать надзирателей, а стало сразу шестьдесят. И должность помощника ввели. Еще добавили двух чиновников для поручений, делопроизводителя с двумя помощниками, архивариуса, фотографа, четырех служителей и пятнадцать городских. Даже фельдшер есть теперь при сысской полиции.

– Вот скотина, – выругался питерец, имея в виду Мойсеенко. – Ему штаты впятеро увеличили, служи не хочу. А он всю службу и развалил.

После этого перешли к разработке конкретных планов. Решили установить наблюдение на самых крупных станциях. И затем провести одновременно несколько массовых арестов.

Стефанову окончательно поручили распропагандировать честных сыщиков. Они должны были руководить действиями жандармов и оформить все необходимые бумаги по итогам задержаний.

Запасов отвечал за силовое прикрытие. Особо оговорили, что цели операции пока нельзя раскрывать даже жандармскому начальству. Мало ли что? Пусть генералы будут готовы выделить сто пятьдесят сабель[9 - Отдельный корпус жандармов считался кавалерийской частью.] по заявке Лыкова. А куда их направить, решит сам коллежский советник.

Фон Мекк взял на себя подготовку к реформам на железных дорогах. Из пяти станций, на которых планировали провести секретную операцию, две принадлежали Московско-Казанской дороге. Николай Карлович должен был по результатам облавы выявить слабые места в организации. И предложить меры по ее улучшению, которые будут приняты по всей отрасли.

Операцию наметили провести через неделю, в ночь с 12 на 13 ноября. Все детали надлежало сохранять в полной тайне.

Рейнботовщина

Странная комиссия из трех человек начала свою деятельность. Быстро выяснилось, что Стефанов очень болен. Большую часть дня сыщику приходилось проводить в постели. Квартира, которую ему подыскал фон Мекк, располагалась в Ольгинском переулке. Под окнами проходили рельсы передаточной ветви Курской железной дороги. Там день и ночь свистели паровозы, громыхали на стыках составы. Зато Лыкову с Домниковской было рукой подать до убежища Василия Степановича. Да и предстоящее поле боя близко. Сразу за полотном раскинулась огромная товарная станция Николаевской железной дороги, за ней чуть поменьше – Ярославско-Архангельской, а правее – обе товарные станции Московско-Казанской дороги. Четыре из пяти главных грузовых ворот столицы находились напротив друг друга, в пределах треугольника Второго Мещанского участка и прилегающих улиц. Пятая станция, на которую нацелилась комиссия, располагалась в Новой Деревне и принадлежала Московско-Курской дороге.

Несколько дней на квартиру к коллежскому секретарю тайно от начальства ходили сыщики. Из Петербурга приехал Василий Иванович Лебедев, поселился в квартире Стефанова и пробыл там безвылазно двое суток. Он помогал уговорить надзирателей. Авторитет бывшего начальника, а теперь важного столичного чиновника, сделал свое дело.

Лыков участвовал в некоторых таких беседах. Ему очень понравился отставной надзиратель Бишовец. Владимир Ерофеевич быстро согласился помочь комиссии. Он рассказал питерцу много интересного о нравах, царящих в московской полиции. Ржавчина разъела не только ее: градоначальник Рейнбот взял на службу несколько явных мошенников и доверил им важные должности. И не просто так, от неумения отличить честного от непорядочного. Эти новые в городе люди быстро переделали все под себя и развратили кадр, бессовестно пользуясь служебным положением. У Лыкова волосы встали дыбом, когда он узнал о нынешних порядках в Первопрестольной...

Правой рукой градоначальника являлся его помощник полковник Короткий. Говорили, что он вынужден был оставить строевую службу из-за чрезмерной тучности. Бог бы с ней, с тучностью, но нравственностью полковник также не вышел. На пару с шефом он создал систему поборов и ежемесячно объезжал данников, собирая с них деньги. Рейнбот учредил фонд своего имени, будто бы для помощи вдовам и сиротам полицейских, погибших на службе. Хорошее дело!

Вот только отчетов того фонда никто не видел. Средства в него направляли в первую очередь те, кто заискивал перед полицией. Например, если клуб хотел держать банк в запрещенные законом азартные игры[10 - Карточные игры делились на коммерческие и азартные. В коммерческих выигрыш зависел не только от случая, но и от умения игрока (например, преферанс). Они были разрешены в клубах. Запрещались азартные игры, где все зависело исключительно от везения.], то ему достаточно было сделать взнос в фонд Рейнбота - и разрешение получено. Раз в месяц заглянет Владимир Аполлонович Короткий, сунет в портфель пачку купюр, и играй себе спокойно дальше. Или у тебя публичный дом. Власти решили убрать их за пределы Садового кольца. Но если пожертвовать в фонд круглую сумму, то полиция твой бордель сразу переставала замечать. Так, например, вышло с самым роскошным бардаком в Соболевском переулке. Владел им прожженный мерзавец Стоецкий. Полиция приказала дом закрыть. Хозяин собрал соседей - Баркова и Голованова, тоже славных мазуриков, взял с них пятнадцать тысяч рублей и поднес Короткому. Все три публичных дома трудились на славу и по сию пору, в обход запретов.

Полковник не просто собирал «грязные» деньги, он еще и отдавал их в рост таким же темным людям. Бишовец рассказал об Артистическом клубе. Там известные одесские жулики Макареско и Молдавцев открыли игру. Деньги на ее обустройство они взяли займы у знаменитого шулера Егора Харитоновича Денисова по кличке Ломоносов. Короткий узнал об этом и предложил одесситам перекредитоваться у него. Платите, мол, за ссуду тридцать процентов в месяц и крутите ее, сколько хотите. Ребята кинули Ломоносова и прикрылись Рейнботом. Держали банк, раздевали простаков и бед не знали. Так же поступил Немецкий клуб: он вполне официально каждый месяц отсылал в фонд Рейнбота круглую сумму «на приют». А за разрешение открыть на Сретенке электрический театр его хозяин Хазов заплатил десять тысяч. Подобных историй было множество, все о них знали и молчали.

В конце концов Короткий обокрал собственного начальника. Взял деньги у шулеров, а Рейнботу не отдал. И тот уволил тучного полковника. Но опасаясь мести с его стороны - а Короткому было что рассказать, - лично просил Столыпина не привлекать Владимира Аполлоновича к суду...

Часть поборов шла градоначальнику через его личного сапожника! Звали этого весьма влиятельного в Москве человека Иосиф Григорьевич Стволлов. Если вам нужно то, чего другим нельзя, суньте деньги сапожнику, и он решит ваш вопрос.

Очень вольно обращался Рейнбот и с казенными суммами. После кровавых событий декабря пятого года штат городских в Москве увеличили сразу на шестьдесят процентов, околоточных – вполовину. Образовали четыре новых участка, создали конную полицию, расширили аппарат управления. Однако новый градоначальник не стал брать дополнительных людей. Старые служаки надрывались, дежуря по две смены в сутки, зато от незанятых вакансий создавалась экономия. Такое было и раньше. Но прежние начальники сэкономленные деньги выдавали тем же городским в качестве наградных. Это мотивировало их исправно нести службу, и жалкие оклады полиции удавалось чуть-чуть увеличить. Рейнбот же нагло клал разницу в карман. А на руководящие должности назначал лишь тех офицеров и чиновников, что приносили взятки.

Бишовец не был голословным, он показал Лыкову отчетность. По новым штатам в московской полиции городских высшего разряда полагалось 851, а по факту имелось лишь 215. Сразу экономия 250 000 рублей! Городских второго разряда тоже разрешено было иметь 841, а их 452. Еще 150 000 остались не истрачены. Околоточных надзирателей по штату 480, а по факту – 330. И так куда ни глянь. В результате «сохранялись» огромные суммы, которые градоначальник безотчетно тратил непонятно на что. Когда же выяснилось, что в полиции не хватает револьверов, ружейных ремней и прорезиненных накидок, свободные деньги уже оказались израсходованы. Тогда Рейнбот выписал всем приставам наградные, заставил расписаться в их получении, а деньги забрал – на покупку револьверов. Но куда же ушли сэкономленные ранее средства? И почему нельзя было на них купить все необходимое?

Вторым видным мерзавцем при Рейнботе выступал подполковник Комендантов. Сослуживец Анатолия Анатольевича по Финляндии, бывший ротмистр ОКЖ возглавил в Москве полицейский резерв. С градоначальником он был на «ты». Казалось бы, служба как служба. Готовь новых городских, обучай их тонкостям полицейского ремесла, а чины и жалованье идут. Но Комендантов решил стать предпринимателем. Он получил от Рейнбота право самостоятельно закупать для резерва провиант, фураж, обмундирование – и сразу же качество всего резко ухудшилось. Этому подполковнику показалось мало, и он взял подряд на снабжение московской полиции дровами. До него дрова поставляли испытанные подрядчики, и люди не мерзли. Вдруг топливо вздорожало чуть не вдвое. Да еще и снабжали им казармы неполной саженью. Комендантов не постеснялся обворовать и без того нищих городских, с трудом сводивших концы с концами на копеечное жалованье.

Еще Бишовец рассказал про градоначальника совершенно дикую историю. На него было совершено покушение. Генерал шел по Тверской улице, когда в него бросили бомбу. По удачному стечению обстоятельств она прокатилась у градоначальника между ног, свалилась в водосток и там разорвалась, не причинив никому вреда. Тогда террорист стал палить в Рейнбота из револьвера. Однако охрана уже спохватилась, и боевика быстро обезвредили. Генерал подошел к нему, вынул свой револьвер и в упор выстрелил террористу в голову. Безоружному человеку, которого крепко держали охранники...

Глядя на такие безобразия, распустился и Мойсеенко. Московская сыскная полиция при Лебедеве была на хорошем счету. И вдруг начала стремительно развращаться. Начальник – похоже, что намеренно – уничтожил систему учета вещественных доказательств. Книгу регистрации упразднили, и надзиратели брали, что хотели, нигде не расписываясь. Особенно часто так поступали с ценными вещами, например серебряными часами или портсигарами.

Еще Дмитрий Петрович запретил подчиненным заниматься дознанием железнодорожных краж. Под тем предлогом, что дороги не хотят платить полиции за поиск похищенного. Однако Бишовец был убежден, что это лишь отговорка. Вокруг Мойсеенко сплотилась группа его прихлебателей во главе с помощником начальника МСП Дещинским. В группу входили уже известный Лыкову Соллогуб, делопроизводитель Лелюхин, чиновник особых поручений Ботин, надзиратели Рiske, Рагин, братья Кайнихины и ряд других. Именно эти люди покровительствовали железнодорожным ворами. Они приходили к скупщикам поутру, обнаруживали свежие покражи, составляли протоколы – и клали их в стол. Барыги платили взятки и продолжали хищничать дальше. Часть денег явно шла наверх, к Мойсеенко и, возможно, Рейнботу. Начальник МСП получал вместе с квартирными и столовыми четыре тысячи рублей в год. А тратил не меньше трех тысяч в месяц. Непонятно, с каких барышей он завел богатый выезд, не вылезал с ипподрома, где постоянно спускал колоссальные суммы. Играл на бирже, и тоже неудачно. То и дело кутил в ресторанах, покупал жене меха и драгоценности.

Владимир Ерофеевич рассказал про своего бывшего начальника еще одну невероятную историю. В июне прошлого года в Москве был ограблен артельщик Максимов. Ладно хоть не убили... И однажды артельщик вдруг встретил на улице человека, который его обчистил. Причем на Тверской, чуть не у дверей сыскной полиции. Он схватил негодя и сдал на руки городовым. При обыске у бандита нашли золотые часы с цепочкой и 654 рубля денег – значительная

сумма. Фамилия бандита была Лукин, и за свои подвиги он угодил на виселицу. Так Мойсеенко присвоил себе деньги и часы казненного! Или, например, надзиратель Фиников случайно выяснил, что крестьянин Николай Романов нашел на улице крупный бриллиант. Он отобрал камень и передал Мойсеенко. Тот взял, а объявление в газете о находке давать запретил. Так и осталась лежать вещь большой ценности на квартире у начальника сыскной полиции.

Кроме того, он регулярно «выигрывал» в определенных клубах по несколько тысяч – это была замаскированная взятка. Однако этих денег проходимцу не хватало, и он создал систему поборов с крупных мошенников. Тут-то в Москве и начался разгул преступности. Особенно участились железнодорожные кражи. Безднаказанность-то полная, вору смело, только делись с сыскными. Шайка Жуковых-Шестакова пользовалась особым покровительством того же Соллогуба, он часто бывал у них дома и пьянствовал с ворами.

Или история с притоном на Большой Дмитровке. Его держали отставной мичман Оленин, содержатель публичных домов Макареско, шулер князь Урусов, нечистый на руку поверенный Баженов и два беглых арестанта, спокойно жившие в Москве под чужими фамилиями. Раз в месяц они платили полиции пять тысяч рублей и в ус не дули. В притоне обыгрывали простаков на большие суммы, а иных спаивали и обворовывали. Кое-кто даже пропал бесследно; Бишовец подозревал, что это были убийства.

Владимир Ерофеевич стал заниматься железнодорожными кражами, когда их поручили Стефанову. Следователь Двадцать восьмого участка Бухман завел около трехсот дел, а Мойсеенко не провел по ним ни одного дознания. Точно так же он игнорировал, например, жалобы комитета Московской скотопромышленной и мясной биржи. Тот требовал прекратить кражи мясных продуктов. С городских боен мясо развозили по лавкам, но в пути оно пропадало. Торговцы несли огромные убытки, страховые компании отказывались страховать закупки. Сыскная полиция не сделала ровным счетом ничего. Прокурор Арнольд с огромным трудом заставил наконец Мойсеенко открыть одно дознание о кражах на Московско-Казанской дороге. На свою беду, тот поручил дело Стефанову, который в три месяца его и распутал. Арестовал с поличным и воров, и скупщиков, нашел похищенные товары. В итоге сыщика вынудили подать в отставку «по домашним обстоятельствам», а вору вышла на свободу. Бишовец, когда его начальника выгнали, понял, что ему служить тоже не дадут. Он оставил должность и теперь искал, куда устроиться. Предложение помочь комиссии Лыкова пришлось ему по душе.

В результате переговоров Стефанова со своими бывшими сослуживцами помочь ему согласились все восемь порядочных. Это были опытные люди, толковые сыскные надзиратели. Их всех воротило от устоявшихся порядков. С такой поддержкой комиссия могла начать действовать.

Надзиратели сообщили немало интересного о положении дел в Москве. Ревизия Дьяченко, посланная Департаментом полиции, была лишь первой ласточкой. Кроме того, ее поддержал генерал-губернатор Гершельман. До него дошли сведения, что Рейнбот нацелился на его кресло. И герой сражения под Мукденом дал еще одно сражение – зарвавшегося градоначальнику. Дьяченко быстро вскрыл ряд злоупотреблений, и в развитие его ревизии в город прибыл чин повыше – тайный советник Затончковский. Встревоженный Рейнбот приказал установить за ним слежку! За членом Совета министра внутренних дел в третьем классе. И теперь сыщики, вместо того чтобы ловить жуликов, водили по улицам столичных ревизоров...

Лыков тем временем не сидел без дела. Он зачастил в Московское охранное отделение, что помещалось в соседнем с сыскной полицией подъезде. В МОО недавно сменился руководитель. Прежний, полковник Климович, пошел на повышение и стал помощником градоначальника. Алексей Николаевич знал и ценил полковника. Опытный разыскной офицер, умный человек, он был на голову выше Рейнбота по деловым качествам. Но вел себя так, что никто об этом не догадывался. Вместо себя Климович оставил подполковника фон Коттена, с которым Лыков быстро нашел общий язык.

Фон Коттен пользовался доверием градоначальника, тот его продвигал и поощрял. Но хитрый немец уже понял, куда ветер дует. Когда питерец попросил у него поддержки в борьбе с железнодорожными кражами, подполковник смекнул: откажешь – тут же об этом узнает Столыпин. согласишься – узнает Рейнбот. Поэтому жандарм и сыщик сошлись на том, что поддержка будет негласной. Фон Коттен выделил в помощь Лыкову старшего филера Подэрия. А тот сам выбирал, кого из подчиненных направить выслеживать железную дорогу.

Сначала Подэрий сходил в разведку лично. Загримировался под машиниста и обошел железнодорожные уголья, раскинувшиеся во Втором Мещанском участке. По форме они представляли собой равнобедренный треугольник. Вершина его располагалась внизу, на Каланчевской площади. Левый угол упирался в Крестовскую заставу, а правый – в Покровскую слободу. Основание

поджимало Сокольники с юга. Внутри треугольника гроыхало и пыхтело, сновали сотни паровозов, гнавшие тысячи вагонов. Вокруг толкался тот особый люд, что собирается вокруг железных дорог: крючники, торговые агенты, комиссионеры, страховщики, служащие в черных шинелях, чиновники в тужурках, жандармы, ломовые извозчики, артельщики с пачками накладных, купцы-мукомолы и их доверенные, весовщики, товарные кассиры, смотрители, сторожа, поддежурные... Люди бегали, как муравьи. Запах огромных денег витал в воздухе и словно бы подталкивал их, заставлял носиться еще быстрее. У непривычного человека сразу начинала болеть голова: светопреставление, да и только.

Старший филер ходил там целый день. Чтобы не примелькаться, он дважды сменил наружность в закрытой карете охраны с гримерным депо внутри; карета была спрятана на Огородной улице. Подэрий обошел все четыре станции изнутри и снаружи. Вечером он доложил фон Коттену и Лыкову:

– Так что, ваши высокоблагородия, наглость и впрямь неслыханная. Дыры в заборах, хоть корову проводи. А где-то дыры забиты, но так, что доски можно сдвинуть. Целые тропинки протоптаны и колеи наезжены! Вот притоны скупщиков обнаружить труднее. Как их отличишь? Дом как дом. Однако есть некоторые приметы...

Старший филер хитро посмотрел на начальство: мол, сообразите или как? Сыщик поддержал его и стал рассуждать вслух:

– Там должен быть большой крытый двор, а еще казарма или флигель для артели крючников.

– Ага. А еще?

Подполковник тоже включился в игру:

– Подходы к дому нужны. Ведь утром туда съезжаются посредники и вывозят ночную добычу.

– Так-так... А еще?

- Конюшня с водопойкой? – предположил Лыков.

- Годится. Ну а главная примета какая?

Подполковник с коллежским советником развели руками.

- Самое важное, что есть у всех барыг, – это каменные кладовые во дворе, – пояснил филер. – Большие и наполовину врыты в землю. На случай пожара.

- Чтобы товар уцелел, – сообразили начальники.

- Именно так. Подобные кладовые имеются во многих московских дворах, но они небольшие. Там держат свои ценные вещи жильцы. А тут склады целые! Лабазы. И собаки злые-презлые.

- Сколько таких подозрительных домов ты насчитал? – спросил фон Коттен.

- До десяти, ваше высокоблагородие.

- Но это лишь твои подозрения. Как их проверить?

- Утром пройтись и поглядеть, куда съезжаются ломовики за товаром, – предложил Лыков.

- Чужаки появятся ни свет ни заря? – хором воспротивились охранники. – Сразу бросятся в глаза.

- Это смотря как себя повести. Если напротив ворот встанет городской при шашке да начнет что-то записывать, тогда, конечно. А если праздншатай гуляет до винной лавки, так что в том особенного?

- То есть вы предлагаете послать туда переодетых агентов? - уточнил начальник отделения.

- Да. Трех-четырех самых толковых. Настолько толковых, что один раз прошлись и все запомнили. Они обойдут каждый свой участок. Утро, народ толпой валит на службу... Кто их заметит?

- Есть у нас такие, Василий Григорьевич? - спросил фон Коттен у старшего филера.

Тот с достоинством ответил:

- У нас все такие.

- Подберешь Алексею Николаевичу?

- А то!

Тут же по карте охранники разбили железнодорожный треугольник на участки, поместили, где какая товарная станция и где возле них близко стоят жилые строения. Получилось семь участков: на Переведеновке, в Сокольничьих улицах, на Старослободской и Рыбинской, в Пантелеевском проезде и на Переяславской, вокруг Каланчевской площади, по Ольховской улице и в квартале Грязной-Леснорядской-Николаевской.

Алексей Николаевич предложил охранникам дополнить своих филеров теми сыщиками, которых распропагандировал Стефанов. Но их лица могли уже примелькаться в преступной среде. И Подэрий придумал лучше. Сыщики пришли в отделение и подробно рассказали, какие домохозяева замечены в скупке краденого. При этом вскрылись новые важные подробности. Например, надзиратель Гревцов объявил о своих подозрениях в отношении Тринадцатого саперного батальона. Его казармы находились между Покровской общиной сестер милосердия и детской Владимирской больницей. Вход на охраняемую территорию посторонним был заказан. А негласная агентура намекала, что часть похищенных с товарных станций грузов прятали там. Этим занимались фельдфебели, вступившие в стачку с ворами.

В результате филеры МОО три утра подряд патрулировали подозрительные кварталы. При этом люди менялись, и менялась их маскировка. Лыков не удержался и тоже разок прогулялся по Ольховской улице. Двор скупщика он увидел сразу. Да и как было его не заметить! Домина в два этажа стоял на углу с Красносельской. В воротах давка: пустые возы въезжают, груженные выезжают, народу, как в церкви. Внутри сыщик разглядел те самые каменные клетки, на которые обратил внимание Подэрий. Окружные провиантские склады, а не лабаз торговца готовым платьем...

Алексей Николаевич привлек к слежке и Фороскова. Пусть отрабатывает казенное жалованье. Сначала он хотел послать его в Новую Деревню, но потом передумал. Именно там Петру разбили голову за излишнее любопытство. Поэтому бывший сыщик отправился в другую деревню, Котяшкину.

В последние месяцы, сломленный постоянными неудачами, Петр Зосимович начал выпивать. Предложение Лыкова вернуло его к нормальной жизни. Но мешки под глазами и неуловимое впечатление пропащего человека остались. Форосков отрастил двухдневную щетину, оделся подобающе и отправился в криминальную слободу. Он обошел пивные, сунулся в несколько лавок, разговорился с местными обитателями. Гибнущий человек искал работу. Он клялся, что теперь не пьет, что расшибется в лепешку для ради хорошего хозяина, и паспорт у него есть, и руки-ноги на месте. Только где тот хозяин, которому требуется работник? Для важного разговора новичок не пожалел даже полтинника, угостил ребят пивом и внимательно выслушал советы.

Советов пропащему человеку дали много. Все места в округе были связаны с железной дорогой. Сначала предложили идти в крючники, в одну из трех котяшкинских артелей. А когда узнали, что соискатель грамотный, стали звать на товарную станцию. Можно весовщиком, можно сторожем. Но лучше всего агентом передачи грузов. На вопрос почему, знающие люди причмокивали и закатывали глаза: мед, а не служба! Две сотни в месяц можно загребать, ежели получить протекцию. А как именно, это тебе там разъяснят.

Форосков переводил разговор обратно на ремесло крючника. Протекции у него нет, а грузы таскать много ума не надо. Ему отвечали так же туманно: для места крючника тоже нужна протекция. Кого попало не берут. Как так, удивлялся соискатель. Рядовая работа, тяжелая. Недотепа пояснили: при чугунке все по знакомству, даже в крючники не попасть без рекомендаций. А кто их дает и сколько это стоит? Тут разговор обычно прекращался. Люди допивали дармовое

пиво, хлопали Фороскова по плечу и уходили.

И все-таки кое-что освед сумел узнать. Три местных артели жили в домах мелких котяшкинских торговцев. Вот только дома у тех оказались совсем не мелкие. Новенький сунулся сначала в мелкооптовый склад Желтополова. Но тот с ним и разговаривать не стал, сразу выгнал. Неугомонный соискатель явился в лавку Абалдуева. Хозяин был более доброжелателен. Он уделил Фороскову несколько минут. Сказал, что сейчас места у него нет, но к зиме может появиться. А когда узнал, что человек грамотный и обучен счету, заинтересовался им всерьез. Сперва Абалдуев ненадолго отлучился во внутренние комнаты. Когда вернулся, принялся расспрашивать, где Петр служил прежде, может ли предоставить рекомендательные письма, почему оказался без должности и сколько дней у него длится запой.

Вдруг открылась дверь, и вошел околоточный надзиратель. Он с порога потребовал у незнакомца документы, переписал их, оглядел Фороскова с ног до головы и удалился. Тот вернулся к начатому разговору и спросил у хозяина: неужели для места крючника требуются рекомендательные письма? Абалдуев пояснил, что грамотный человек нужен ему для другого. На товарной станции Виндавской дороги есть вакансия перевесовщика. Страховые компании часто требуют перевешивать дорогие грузы, чтобы не войти в лишние расходы. Тут Петр сознался, что ранее служил у страховщиков, но его попросили уйти – слишком зашибал за ворот. Барыга обрадовался: ты-то мне и нужен. Договоримся, ежели обещаешь лопать с умом. Только сначала мы об тебе справку наведем, ты погуляй недельку и возвращайся.

В результате своего обхода агент сделал важные выводы. Все три артели крючников, что квартировали в Котяшкиной деревне, занимались воровством. Петру попались возы, которые те крючники грузили у своих хозяев. Там были кули дорогой ситной муки, кипы хлопка, медь в штыках. Для хозяина мелочной лавки товар нетипический. Если это заметил он с первого взгляда, как же не замечает околоточный?

Когда Форосков доложил Лыкову о своих наблюдениях, тот встревожился. Цыбин – так звали надзирателя, в чей околоток входила Котяшкина деревня. Стефанов сказал, что он состоит у воров на довольствии. И проверять Петра Цыбин станет, используя служебные возможности. Ладно, если он запросит адресный стол. Там ответят, где человек живет и где он жил раньше. А если околоточный пойдет в сыскную полицию? И там Соллогуб с Рагиным вспомнят,

что Форосков приходил к ним от страховщиков и требовал прекратить кражи на железке. Похоже, надо ускорить облаву.

Вечером триумвират собрался в очередной раз. Стефанов доложил новые сведения, Лыков добавил про Котяшкину деревню. Подполковник Запасов оживился:

– Берем всех оптом! С поличным, теплыми.

Секретная операция приближалась к своему апогею. Но у Мекка опять сдали нервы, и он потребовал схватить воров немедленно. Каждую ночь тащат, сколько еще такое терпеть? Сыщики с трудом отбили его напор. Да, можно оцепить выявленные дворы барыг хоть завтра. После ночного грабежа они будут забиты крадеными товарами. Десять-пятнадцать человек угодят в тюрьму, система хищений даст сбой. Но останутся посредники и их клиенты. Ведь барыги держат грузы до утра, а затем быстро раскидывают их между перекупщиками. Те тоже спешат избавиться от опасных улик. И в тот же день либо на следующий реализуют добычу перекупщикам второй очереди. Возможно, есть и третья. В конце концов товары окажутся у конечного покупателя, где-нибудь в Рыбинске или Братском Остроге. Люди, приученные по дешевке покупать краденое, – главный двигатель системы. Если убрать первый ряд барыг, на их место быстро придут другие. Нужно вырвать зло с корнем. А значит, следует выявить и арестовать хотя бы крупнейших скупщиков. Если барыг полтора-два десятка, то этих уже больше сотни. Ударив по ним, полиция прекратит железнодорожное хищничество надолго.

Запасов встал на сторону сыщиков, и это решило спор. Вообще он оказался толковым человеком, умел слушать других. Кроме того, подполковник хорошо знал чугунку и ладил с тамошним людом. Самостоятельный, вдумчивый – Лыков нечасто встречал в корпусе жандармов таких офицеров. В результате триумвират решил отложить утреннюю облаву на несколько дней.

Как проследить за сотнями ломовиков, куда какой груз они развозят? Алексей Николаевич снова отправился в охранное отделение. Фон Коттен выслушал сыщика и пошел на беспрецедентный шаг: выделил коллежскому советнику на сутки почти всех филеров. Девяносто человек приняли участие в операции. Восемь сыщиков МСП присоединились к ним. В итоге стали известны адреса главных скупщиков. Решили их тоже арестовать, причем в один день с барыгами.

Началась подготовка к облаве. Но действия комиссии Лыкова не остались без внимания московских властей. Однажды утром Стефанов телефоновал Алексею Николаевичу и попросил его срочно прийти. Сказал, что к нему явились два надзирателя МСП и хотят доставить его к Мойсеенко; возможна утечка важных сведений, и это накануне операции, которая готовится втайне от градоначальства.

Лыков помчался в Ольгинский переулок. Вошел в квартиру к Василию Степановичу и увидел там двух мужчин недружелюбной наружности.

– Я коллежский советник Лыков, чиновник особых поручений Департамента полиции. Вот мой билет. А вы кто такие?

Незнакомцы предъявили документы. Один оказался надзирателем МСП второго разряда Рагиным, другой – надзирателем первого разряда Рiske.

– Вам чего здесь нужно?

– Имеем приказ начальника отделения надворного советника Мойсеенко немедля доставить этого человека к нему.

– Зачем?

– Ведет подозрительную деятельность.

– Коллежский секретарь Стефанов находится на коронной службе и выполняет секретное поручение.

– А что за поручение? – развязно поинтересовался Рагин.

– Это тебе, дураку, знать не положено, – отрезал питерец. – Ступайте отсюда, чтобы больше я вас тут не видел.

– Как же мы можем не выполнить приказание начальника? – возмутился Рагин.

Но Лыков уже осерчал. Ведь именно этот человек вымогал взятку у Петра Зосимовича. Он прихвостень Мойсеенко, а тот может Василия Степановича и в тюрьму упечь. Допустить этого было никак нельзя. Поэтому Лыков церемониться не стал: просто взял обоих надзирателей за грудки и выкинул на лестницу. Те вскочили, попытались спорить, но противиться полковнику из столицы не решились.

- Еще раз тут встречу - в муку изотру. Пошли вон!

- Но что же мы скажем господину надворному советнику?

- Чтобы не совался, иначе хуже будет.

Сыскные ушли, обескураженные. Но Стефанов был сильно обеспокоен.

- Они вернутся с городскими и арестуют меня. Мишка Рагин при Мойсеенко на правах камер-лакея, он даже с его женой ходит по магазинам, покупки таскает... Черт, Мойсеенко прознал про нашу комиссию. Теперь в покое не оставит.

- Облава намечена на завтрашнее утро, - стал успокаивать его питерец. - Она даст такие результаты, что никому не поздоровится.

- Ну и что? Маховик проворачивается медленно, сами знаете. Мойсеенко при должности, у него все права. Рейнбот его поддержит.

- Вы сегодня открывайте дверь только своим.

- Боюсь, Алексей Николаевич. Вдруг выломают? Явятся с постановлением, оформленным надлежащим образом - как я им не открою? Это же сопротивление властям.

В результате Лыков отвез своего сотрудника к Запасову и поселил там. Дмитрий Иннокентьевич проживал на служебной квартире в здании Московского ЖПУЖД на Пречистенке. Четыре комнаты окнами во двор, часовой у входа... Подполковник охотно принял Стефанова под свою защиту. До облавы оставались еще сутки.

Лыков вернулся в гостинцу и стал ждать. Он понимал, что его тоже в покое не оставят, и надо объясниться. Вскоре в номер постучали, и вошел городской:

- Ваше высокоблагородие! Господин начальник сыскной полиции просит вас прибыть к нему. Срочно!

- Скажи господину Мойсеенко, что мне недосуг.

- Как так? - опешил служивый.

- А вот так. Дел много, не до него сейчас.

- Так и передать?

- Слово в слово. Добавь еще, что мое начальство в Петербурге сидит, здесь я никому не подчиняюсь, пусть не лезет.

Растерянный городской удалился, но через час явился другой.

- Ваше высокоблагородие! Вас срочно вызывают его превосходительство московский градоначальник!

- Передай ему, что я занят и загляну как-нибудь на днях. Когда посвободнее буду.

- А... как же так? Хозяин Москвы зовет, это самое...

- Ступай, братец, не надоедай мне.

- Так, значит, и передать?

- Слово в слово.

Парень вышел, и тут же вошел Климович, помощник Рейнбота.

- Здравствуйте, Алексей Николаевич.

– Здравствуйте, Евгений Константинович. Вы что, под дверью дожидались?

– А что оставалось делать? – усмехнулся полковник. – Анатолий Анатольевич велел доставить вас любым способом.

– Да ну его к черту! Не пойду.

Климович сел без приглашения, согнал с лица улыбку:

– Алексей Николаевич, что происходит? Почему вы отказываетесь встретиться и с Мойсеенко, и даже с самим Рейнботом? У вас есть на это... особые причины?

– Вам скажу, Евгений Константинович, поскольку лично вас уважаю. Да, причины есть. Я прибыл сюда с секретным поручением...

– Секретным от градоначальника?

– ...по приказу самого Столыпина. Вот мои полномочия. – Он протянул открытый лист, подписанный премьер-министром.

Климович прочитал вслух:

– Коллежский советник Лыков командирован в Москву и Московскую губернию с особым поручением... Всем исполнительным чиновникам надлежит беспрекословно выполнять его распоряжения, производимые в рамках ведущегося им дознания... Поясните, Алексей Николаевич, что все-таки за особое поручение? Вы ведь занимаетесь кражами на московском железнодорожном узле?

Лыков понял, что фон Коттен проговорился бывшему начальнику. Нужно было менять тактику:

– Как же вы допустили такое, Евгений Константинович? Хищения приняли эпидемический характер, счет убыткам идет на миллионы. И где? Не в Сибири или на Кавказе, а в Москве!

Полковник начал оправдываться:

- Но что я мог сделать? Помощником градоначальника я совсем недавно. А до того, вы же знаете, командовал охранным отделением. Политический сыск, не уголовный. Здесь так: в чужие дела не лезь.

 - Вот и вы не лезьте. Скажите Рейнботу, что я приехал окончить дознание убийства станového пристава Винтергальтера. Это к компетенции градоначальника не относится.

 - Он телефонирует губернатору Джунковскому и выяснит, что вы ему не представлялись.

 - Я представлялся генерал-губернатору, и этого пока достаточно. Пусть спросит у Гершельмана...

 - Гершельману мой шеф звонить, конечно, не осмелится. У них плохие отношения.

 - Вот и славно, – усмехнулся сыщик. – И вообще, держитесь от меня подальше. То же самое рекомендуйте и шефу.

 - Анатолий Анатольевич смертельно на вас обидится, а он человек мстительный.

 - Плевать я на него хотел.
- Климович оглянулся, словно хотел убедиться, не стоит ли сзади кто. И понизил голос:
- Так плохи его дела? Решение уже принято?

 - Да.

 - Простите мой вопрос, но это точно?

– Я сам слышал от Петра Аркадьевича, что государь дал согласие. Тот процесс, что вы наблюдаете, – ревизоры, моя комиссия – это звенья одной цепи. Итогом будет снятие Рейнбота, полетят и другие головы. Я сейчас действительно занимаюсь кражами на узле железных дорог. Столыпин велел их прекратить. И я прекращу. Вы лучше помогите мне, а не мешайте. Если не можете помочь, просто отойдите в сторону.

– Уф! – Жандарм потрогал голову, растерянно улыбнулся. – Уф... А я скажу так: давно пора! Надоело смотреть и молчать.

– Не молчали бы.

– В Отдельном корпусе жандармов, где я служу, доносы на начальство не поощряются. Поэтому я просил о переводе. Получил отказ.

Собеседники помолчали, потом сыщик спросил у жандарма:

– Это правда, что Рейнбот застрелил безоружного боевика, которого держали охранники?

– Говорят, что да. Сам я не видел. Многие его поступок одобрили. А что?

– По-свински как-то...

– Алексей Николаевич! Вам ли, извините, такое говорить. Вот опять ходят слухи, что в Ростове-на-Дону погибло очень много людей. Как раз когда вы там были[11 - См. книгу «Фартовый город»].

Лыков счел за лучшее переменить тему:

– А женитьба на Морозовой?

Полковник кивнул:

– Это правда. Раструсил состояние первой жены и развелся с ней. После чего обвенчался с вдовой Саввы Морозова. Теперь Рейнбот очень богатый человек. В случае чего снимет мундир и займется спекуляциями на бирже. Денег

достаточно.

– Поди и свои есть... ворованные?

Климович резко встал:

– Позвольте откланяться?

Алексей Николаевич протянул ему руку:

– Так мы договорились?

– Да. Я порекомендую градоначальнику не обращать внимания на ваши выходки. Честь имею!

Сыщик думал, что визиты к нему на этом закончатся, но ошибся. Спустя полтора часа в дверь постучали, и вошел Мойсеенко.

– Добрый вечер.

– Добрый вечер, Дмитрий Петрович. Не ждал. Проходите, садитесь.

– Спасибо. Я тут решил: если гора не идет к Магомету, то Магомет идет к горе.

– Хм. Что вы хотите?

– Да насчет Стефанова хочу поговорить. Это лживый человек, на него заведено дело. Вы слышали? Он вымогал взятки у воров, отпускал их за деньги.

Лыков молча в упор смотрел на гостя, и тот смутился:

– Что? У меня и свидетели есть. Но вы не дали сегодня арестовать этого негодяя.

– Дмитрий Петрович, а где бриллиант?

– Какой бриллиант? – выпучил глаза надворный советник.

– Ну тот, который нашел на улице крестьянин Николай Романов. А Фиников у него отобрал и передал вам. С тех пор камень никто не видел.

Мойсеенко вспыхнул:

– Это клевета! Гнусная ложь!

– Да? А если ревизоры из Петербурга допросят и крестьянина, и надзирателя?

– Все недруги, все злые языки! Воры, которым я не давал житья, решили измазать меня грязью! Я слишком им мешаю.

– А деньги и золотые часы казненного налетчика Якова Лукина до сих пор у вас? Не стыдно? Это называется мародерство.

Главный московский сыщик стал покрываться пятнами. Но взял себя в руки и заговорил почти спокойно:

– Алексей Николаевич, что произошло между нами? Я в сыскальной полиции с тысяча восемьсот девяносто пятого года. Вспомните, сколько преступлений мы раскрыли вместе. Скольких злодеев наказали. И вот теперь вы – мой противник. Почему?

– А сами не догадываетесь?

– Нет. Объясните.

Лыков вздохнул.

– Я действительно знаю вас двенадцать лет. И помню другим. Ведь вы заканчивали университет круглым сиротой, на шее которого сидели младшие братья и сестры. Давали уроки, бились, голодали, чтобы вырастить их. Потом пришли в сыскальную полицию и стали ловить мазуриков. Причем хорошо ловили. Когда же ваша жизнь пошла вкривь?

– О чем вы? Если снова про бриллиант и часы повешенного, то это ложь, я уже говорил.

– Да? И ваша игра на ипподроме тоже ложь? Вы спускаете там изрядные суммы. Наведываетесь через день и покупаете три-четыре билета зараз, каждый стоит пятьдесят рублей. Это легко проверить через кассу ипподрома. Итого четыреста рублей в неделю, две тысячи в месяц. Минимум. Откуда у вас такие средства?

Мойсеенко вскочил и схватил шапку.

– Вижу, вас здорово настроили. И разговора у нас не выйдет. Так вы желаете войны?

– Если вы хоть пальцем тронете Стефанова, я займусь вами лично. К мародерам плохо отношусь, учтите. Сам двух таких расстрелял на войне, в Рионском отряде.

– Угрожаете?

– Угрожаю.

– Пока еще Анатолий Анатольевич в Москве полновластный хозяин. А я скоро стану коллежским советником, представление уже отправлено в Петербург. И Анну второй степени только что получил. Смотрите, не обожгитесь.

Лыков подошел к двери, открыл ее и кивком указал гостю: вон! Тот выбежал, и на лестнице еще долго слышался его воинственный топот.

Ну, кажись, на сегодня все. Завтра комиссия впервые громко заявит о себе. Жандармы в шутку прозвали ее железнодорожно-воровской, а Лыкова – обер-кондуктором. Смеются, но помогают всерьез. У Алексея Николаевича с голубыми мундирами были по большей части трудные отношения. Но эти, московские, ничего...

Облава

Работа кипела всю ночь. Особенно усердствовал судебный следователь Бухман. Два года он пытался добиться от Московской сыскной полиции содействия в прекращении краж на железке. Открыл двести восемьдесят восемь дел, а по ним – ни одного дознания... Но вот приехал из Петербурга человек с полномочиями, и все закрутилось. Бухман выписал невероятное количество постановлений о проведении обысков. А по их результатам – и арестов. Барыг первого ряда было всего полтора десятка. А вот их контрагентов сыщики и охранники насчитали две сотни. Лыков изучал список и ругался почему зря. Кого там только не было! Уважаемые торговые дома, комиссионерские конторы, лучшие магазины – все участвовали в реализации краденого. Вот почему железнодорожные хищения так процветали. Слишком многим они были выгодны, и за два года безнаказанности создалась, как говорят экономисты, разветвленная товаропроводящая сеть. Грузы на десятки тысяч рублей исчезали в один день. И оказывались потом за Уралом или на Кавказе. На них выписывали накладные! Со штампами и подписями, с ассигновкой банка, все честь по чести. Выкраденный ночью полупьяными крючниками товар легализовался, обрастал бумагами, и прежнего хозяина было уже не найти.

Поэтому облаву нужно было провести в одно утро, разом. Беспрецедентный ее масштаб требовал привлечения больших сил. А полицию как сыскную, так и общую, решили не звать. Но даже Московского жандармского дивизиона «железнодорожно-воровской» комиссии могло не хватить. Сам дивизион стоял в Петровских казармах. Он был двухэскадронного состава и насчитывал двадцать пять офицеров и триста нижних чинов. Люди в общем несли необременительную службу. Но в административном отношении они подчинялись градоначальнику, и каждый день он посылал их в конные и пешие наряды по городу. Жандармы стояли у обоих московских императорских театров: Большого и Малого. Они также торчали в приемных у чиновной знати – больше для форсу, чем для дела. А самые многочисленные наряды отряжались на Ходынское поле, когда там проводились скачки и рысистые бега. Еще могли заказать жандармов обыватели, для частных нужд вроде похорон или свадеб, только надо было заплатить официально в кассу дивизиона три рубля. Таким образом, около сотни человек оказывались вне операции. Лыкову пришлось наметить облаву на тот день, когда бегов не было. А театры поутру еще не открылись.

Все уже было готово, когда Алексея Николаевича вызвали на Малую Никитскую в губернское жандармское управление. Его начальник генерал-лейтенант

Черкасов вдруг решил поиграть в сыщика.

– Господин коллежский советник! В порядке статьи тысяча тридцать пятой Устава уголовного судопроизводства я хочу открыть жандармские дознания по кражам на дорожном узле, – заявил он питерцу, не приглашая его сесть. – Выделяю для этого трех человек из офицерского резерва. Какие именно дела вы рекомендуете им взять?

Лыков растерялся. Этого только не хватало! Офицерским резервом назывались чины губернских жандармских управлений. Они в самом деле имели право вести дознания, но по вопросам политического сыска. Делить свое поручение с ГЖУ Алексей Николаевич не собирался. А эти ребята еще и заберут себе самый лакомый кусок, чтобы потом потребовать у Столыпина орденов. Он попытался объяснить генералу, что два ведомства будут лишь мешать друг другу. Лучше оставить все как есть.

Но Черкасов уже закусил удила. Тот факт, что дело находилось на контроле у премьер-министра, вдохновлял его. Если выгорит, победителей ждут награды. Жандарм возмутился:

– Что еще за местничество? Для облавы вы привлекаете силы моего дивизиона. А коврижки все хотите себе забрать? Не выйдет. Или делитесь, причем самым-самым, что я лично выберу. Или не получите ни одного человека.

Лыков вспыхнул:

– Вы ставите под угрозу важнейшую операцию! Я немедленно доложу о вашем шантаже господину премьер-министру.

Генерал не испугался и язвительно спросил:

– А у вас с ним прямой провод? Не рано ли начали зазнаваться в шестом-то классе?[12 - Чин коллежского советника – шестой класс Табели о рангах.]

Лыков развернулся и ушел, хлопнув дверью. Как быть? По субординации следовало сообщить о заминке Трусовичу, объяснить, что дознание должно оставаться в одних руках. Алексей Николаевич знал, что тот два раза в неделю

делает доклады Столыпину в присутствии товарища министра внутренних дел Макарова. Доклады начинаются в одиннадцать утра и тянутся до трех-четырёх часов пополудни. Сановникам приходится даже прерываться на завтрак в семье премьера. Но очередной доклад был вчера. Ждать три дня до следующего? На это нет времени.

Слова Черкасова о прямом проводе навели сыщика на мысль. Он явился в ЖПУЖД и оттуда телефонировал сразу в приемную Совета министров. На его счастье, Столыпин оказался на месте, но он был занят. Коллежскому советнику велели ждать. Он просидел у аппарата полчаса, и наконец его соединили с премьером.

- Что у вас, Алексей Николаевич? Только быстро.

Сыщик сообщил о разговоре с начальником Московского ГЖУ и начал доказывать, что дробить дело нельзя. Но Столыпин не стал его слушать и тут же перебил:

- Черкасову сейчас поставят мозги на место, не обращайтесь внимания. Что еще от меня нужно?

- Хотелось бы роту солдат для силового прикрытия. Мы ударим через семь часов, по двумстам адресам разом. Жандармов не хватает, а полицию мы привлечь не хотим.

- Я попрошу генерала Гершельмана. Все?

- Последнее, Петр Аркадьевич. Следы некоторых покраж ведут в Тринадцатый саперный батальон...

- Вот дрянь!

Столыпин секунду-другую подумал, затем приказал:

- К саперам не суйтесь, туда пойдут одни жандармы. Те военные, эти почти военные - разберутся между собой. Гершельману я сообщу, пусть привлечет военную юстицию. А дело - дело останется за вами, приобщите к общему

дознанию. Помните: перед правительством за все отвечаете вы.

– Слушаюсь. А...

– Объясню, сейчас же объясню тем, кто этого еще не понял. Все!

Столыпин положил трубку. Повеселевший сыщик заглянул к начальнику ЖПУЖД генерал-майору Красовскому. Там уже сидел Запасов. Жандармы встретили питерца словами:

– Караул, Алексей Николаевич! Только что телефоновал Черкасов и сказал, что дивизиона нам не видать. Что делать будем?

– Ждать.

– А чего ждать? До облавы осталось всего ничего, а людей нет. Может, армию как-то привлечь? Идемте все вместе к генерал-губернатору.

– Спокойно, господа. Я только что говорил в телефон с премьер-министром, тот обещал все уладить.

«Чугунки»[13 - «Чугунки» – прозвище железнодорожных жандармов.] уставились на питерца: не шутит ли он? Коллежский советник – и вдруг телефонирует самому премьер-министру. А еще гофмейстеру, члену Государственного совета и министру внутренних дел. Ходили слухи, что на Рождество государь пожалует своего визиря в статс-секретари, редчайшее звание в империи. Тогда к нему на козе не подъедешь. Но Лыков пояснил:

– Петр Аркадьевич подтвердил, что перед правительством за прекращение хищений на московском узле отвечаю я. Единолично. И Черкасову это сейчас растолкуют. Еще я попросил военной силы в помощь жандармам. Обещал. Насчет саперного батальона велел самому, как штафирке, туда не соваться, а пустить вас.

Генерал скосил глаза на подчиненного: можно ли этому верить?

Запасов бодрым голосом сказал:

– Не выпить ли нам чаю? Глядишь, пока пьем, что-то и наладится.

Дмитрий Иннокентьевич оказался прав. Когда они допивали по второму стакану, позвонили с Малой Никитской. И очень вежливо осведомились, не здесь ли господин Лыков. Когда узнали, что здесь, попросили никуда не уходить, а дожждаться посланца.

Через четверть часа в кабинет начальника ЖПУЖД вошел бравый офицер и объявил:

– Дивизионный адъютант Московского жандармского ротмистр Терпелевский. Командирован в распоряжение коллежского советника Лыкова.

– Не желаете ли чаю?

– Охотно.

За чаем Терпелевский сообщил, что весь дивизион к услугам питерца. Ждут только приказа.

– Сколько сабель вы сможете выставить завтра к шести часам утра?

Ротмистр ответил:

– За минусом восьмидесяти шести остается двести четырнадцать.

Лыков нахмурился:

– Мало. А что значит за минусом? Куда делись восемьдесят шесть человек?

– Ну, как вам сказать...

– Конкретно, вот как.

– Наряды, господин Лыков. Туда-сюда – как обычно.

- Отмените их на это утро.

- Как отменить? - опешил Терпелевский. - Градоначальник велел.

- Вы какой приказ получили сейчас от генерал-лейтенанта Черкасова?

- Оказать полное содействие.

- Вот и окажите. Мне потребуются все чины дивизиона. До полудня, но все.

- Я должен донести ваше требование до командира.

- Валяйте, только быстро. Уже темнеет, скоро ночь, воры выйдут на дело. За ними следят, и к восьми утра у меня на руках будут адреса. Тогда все в бой!

Терпелевский не успел ничего сказать, как в кабинет вошел еще один офицер, на этот раз пехотинец. Он представился:

- Командир Второй роты Седьмого гренадерского Самогитского генерал-адъютанта графа Тотлебена полка капитан Значко-Яворский. Командирован приказом полкового командира в распоряжение господина Лыкова вместе с ротой.

- У меня появилась мысль, - сказал Терпелевский. - Предлагаю наряды завтра утром никуда не высылать по причине неопределенности в распоряжениях высшего начальства.

- Это в каком смысле? - насторожился генерал-майор Красовский.

- А в том, что непонятно, чей приказ поступил первым: чиновника особых поручений Лыкова или градоначальника Рейнбота.

- Лыкова, конечно, - возмутился Запасов. - Еще утром все было согласовано с вашим командиром. А Рейнбот когда прислал перечень нарядов?

- К полудню.

– Вот! А чрезвычайные полномочия Лыкова? Имеются такие у градоначальника?

Ротмистр пожал плечами:

– Откуда мне знать?

– Я знаю: не имеется. Видите, даже гренадеры подчинены коллежскому советнику.

– Скажите, если наряды не высылать, то в моем распоряжении окажутся все триста сабель дивизиона? – подхватил питерец.

– Почти, – ответил Терпелевский. – Двенадцать человек ежедневно во внутреннем карауле. Знамя, денежный ящик, оружейная комната...

– На этих я и не претендую, разумеется. Денежный ящик надо охранять, вдруг сопрут... Ну, мы определились? Обойдемся теперь без церемоний?

На том и порешили. После достигнутого согласия началось распределение сил. Сорок нижних чинов смогли выделить «чугунки», без малого триста – конные жандармы, и сто восемьдесят штыков привел капитан Значко-Яворский. Пятьсот человек! Все эти люди до последнего не знали, куда их направят. Сидели и ждали в казармах, держа оружие наготове. Им дали поспать половину ночи, а в пять утра уже подняли и напоили чаем.

Пока солдаты дрыхли, охранники и сыщики работали. С наступлением темноты они разошлись по своим позициям. Филеры незаметно проследили за артелями крючников, ворами-одиночками и жульем из числа железнодорожной obsługi. При этом выявили еще несколько расхитителей, ранее не известных. Самые опытные направились в Андроновку и Котяшкину деревню. Среди станционных пакгаузов спрятаться легко, а вот попробуй наблюдать за жуликами, когда они у себя дома. И каждый чужак вызывает у них подозрения: не шпион ли? Инцидентов избежать не удалось. В Андроновке порезали филера Жегалкина: ударили кончиком ножа, выставленным на два пальца, и велели больше тут не появляться. А в Котяшкиной двум топтунам пришлось убежать от крючников, когда те заметили хвост. Еще помяли сыскного надзирателя Урусова. Выслеживая воров, тот смело полез в дыру в заборе товарной станции Митьково. А на той стороне оказался уголовный караул. Полицейского приняли с душой:

угостили тумаками и отобрали деньги и часы. Хорошо, Урусов был без сыскной карточки и отговорился любопытством.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

Облапиться на чертолом – схватиться насмерть (жарг.) (Здесь и далее – примеч. автора).

2

МСП – Московская сыскная полиция.

3

См. книгу «Тифлис 1904».

4

То есть без прошения, по инициативе начальства.

5

ОКЖ – Отдельный корпус жандармов.

6

ЖПУЖД – жандармско-полицейское управление железных дорог.

7

Пшеница, рожь, ячмень, кукуруза, овес, просо, гречиха, горох (горох тогда относили к зерновым хлебам).

8

Москва считалась столицей наряду с Петербургом.

9

Отдельный корпус жандармов считался кавалерийской частью.

10

Карточные игры делились на коммерческие и азартные. В коммерческих выигрыш зависел не только от случая, но и от умения игрока (например, преферанс). Они были разрешены в клубах. Запрещались азартные игры, где все зависело исключительно от везения.

11

См. книгу «Фартовый город».

12

Чин коллежского советника – шестой класс Табели о рангах.

13

«Чугунки» – прозвище железнодорожных жандармов.

Купить: <https://tellnovel.com/nikolay-svechin/uzel>

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)